

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

в системе культурных связей между Востоком и Западом

(III в. до н. э. – VII в. н. э.)

Под редакцией Аскольда Иванчика и Валентины Мордвинцевой

Симферополь, Москва

2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CRIMEAN SCYTHIA

in a system of cultural relations between East and West

3rd century BC to the 7th century AD

Edited by Askold Ivantchik and Valentina Mordvintseva

Simferopol, Moscow

2017

УДК 63.3 (2 Рос. Крм) 2
ББК 94 (395) (477.75)
К. 852

Печатается по решению Ученого совета Института всеобщей истории РАН

Под редакцией
А. И. Иванчика и В. И. Мордвинцевой

Рецензент: д. и. н. А. Р. Канторович

Издание осуществлено в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-30047
«Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом
(3 в. до н. э. – 7 в. н. э.)»

К. 852 **Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом**
(III в. до н. э. – VII в. н. э.): коллективная монография / под редакцией
Иванчика А. И. и Мордвинцевой В. И. – М., Симферополь: ИП Зуева Т. В.,
2017. – 440 с.
ISBN 978-5-6040110-3-4

Коллективная монография «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.)» содержит статьи, посвященные актуальным проблемам древней истории Крыма. Предназначена для археологов, историков, музейных работников, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

С. 852 **Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West**
(3rd century BC to the 7th century AD): collective monograph / edited by
Askold Ivantchik and Valentina Mordvintseva. – Moscow, Simferopol: Zuyeva T. V.,
2017. – 440 p.
ISBN 978-5-6040110-3-4

The collective monograph “Crimean Scythia in a system of cultural relations between East and West (3rd century BC to the 7th century AD)” consists of articles devoted to the actual problems of ancient history of the Crimea. It is intended for archaeologists, historians, museum staff, teachers and students of archaeology and history.

УДК 63.3 (2 Рос. Крм) 2
ББК 94 (395) (477.75)

ISBN 978-5-6040110-3-4

© Иванчик А. И., Мордвинцева В. И. и др., 2017

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
<i>Аскольд Иванчик, Валентина Мордвинцева</i>	
Introduction	
<i>Askold Ivantchik, Valentina Mordvintseva</i>	
РАЗДЕЛ 1. ВАРВАРСКИЕ СОЦИУМЫ КРЫМА ПО ПИСЬМЕННЫМ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ	13
«КРЫМСКАЯ СКИФИЯ» И «ПОЗДНЕСКИФСКАЯ КУЛЬТУРА КРЫМА». ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙ	
<i>Валентина Мордвинцева</i> 15	
“Crimean Scythia” and the “Late Scythian culture of the Crimea”. Formation and development of the terms	
<i>Valentina Mordvintseva</i>	
КРЫМСКАЯ СКИФИЯ III–II ВВ. ДО Н. Э. И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ГРЕЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	
<i>Аскольд Иванчик</i>	34
Crimean Scythia in the 3 rd – 2 nd c. BC and its relations with Greek states of the North Pontic region	
<i>Askold Ivantchik</i>	
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО	
<i>Игорь Макаров</i>	56
Epigraphic monuments of Neapolis Scythica	
<i>Igor Makarov</i>	
ЗАПАДНЫЕ СКИФЫ И СКИФИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И РИТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ I–VII ВВ. Н. Э.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ГЕО-ЭТНИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ (СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)	
<i>Петр Шувалов</i>	79
Western Scythians and the Scythia in geographic and rhetoric spaces from the 1 st to the 7 th c. AD.: defining the problem of the study of geo-ethnic contexts (structural overview of main sources)	
<i>Petr Shuvalov</i>	
СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТИПЫ ПОЗДНИХ СКИФОВ КРЫМА	
<i>Татьяна Смекалова</i>	124
System of settlement, space structure and economic types of the Late Scythians of the Crimea	
<i>Tatiana Smekalova</i>	
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОСЕЛЕНИЙ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В III В. ДО Н. Э. – VI В. Н. Э.	
<i>Алексей Деваев</i>	148
Spatial analysis of the Crimean peninsula settlements from the 3 rd c. BC to the 6 th c. AD	
<i>Aleksey Devaev</i>	
КРЕПОСТЬ АК-КАЯ/ВИШЕННОЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМА	
<i>Юрий Зайцев</i>	166
Ak-Kaya/Vishennoe fortress in the context of the Late Scythian culture of the Crimea	
<i>Yuriy Zaytsev</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В «ВАРВАРСКИХ» СОЦИУМАХ КРЫМА ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭЛИТЫ III В. ДО Н. Э. – SER. III В. Н. Э. <i>Валентина Мордвицева</i>	183
Cultural-historical processes in the “Barbarian” societies of the Crimea according to materials of the burial complexes of elites from the 3 rd c. BC to the mid-3 rd c. AD <i>Valentina Mordvintseva</i>	
ДАННЫЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ О ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ <i>Алексей Казарницкий</i>	213
Physical anthropology data on the formation of population of the North Pontic region in antiquity <i>Aleksey Kazarnitskiy</i>	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИЕТЫ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО СОСТАВА УГЛЕРОДА И АЗОТА В КОСТНОЙ ТКАНИ И ЗУБАХ ЧЕЛОВЕКА НА ПАМЯТНИКАХ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА <i>Марианна Кулькова, Марина Синай, Евгений Нестеров</i>	225
Reconstruction of the diet on the data of isotopic composition of carbon and nitrogen in bone tissue and human teeth from the sites of the Crimean peninsula <i>Marianna Kulkova, Marina Sinay, Eugeny Nesterov</i>	
ИЛЛЮСТРАЦИИ	235
Illustrations	
РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ С ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	333
СВЯЗИ КРЫМА С ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЛАПИДАРНОЙ ЭПИГРАФИКИ (С ОСОБЫМ АКЦЕНТОМ НА ПРОКСЕНИЧЕСКИХ ДЕКРЕТАХ) <i>Виктор Кожокару</i>	335
Connections between the Crimea and the Pontic and Mediterranean regions according to classic monuments of lapidary epigraphy (accentuating on the proxenic decrees) <i>Victor Cojocaru</i>	
РИМСКОЕ ВОЙСКО В КРЫМУ В ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА. ИСТОЧНИКИ И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ <i>Тадеуш Сарновски</i>	350
The Roman army in the Crimea during the Principate. Sources and state of research <i>Tadeusz Sarnowski</i>	
К ВОПРОСУ О КОСТЮМЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФИБУЛ НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУ КАРПАТАМИ И ДЕЛЬТОЙ ДОНА ВО II В. ДО Н. Э. – III В. Н. Э. <i>Кирстен Хелльстрем</i>	371
To the question of a fibula-costume on the territory between Carpathians and Don delta from the 2 nd c. BC to the 3 rd c. AD <i>Kirsten Hellström</i>	
КИТАЙСКИЕ ЛАКОВЫЕ ШКАТУЛКИ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ <i>Маргарета Прюх</i>	380
Chinese lacquer boxes on the Crimean peninsula <i>Margarete Pruch</i>	
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	391
Bibliography	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	436
Abbreviations	

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В «ВАРВАРСКИХ» СОЦИУМАХ КРЫМА ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭЛИТЫ

III В. ДО Н. Э. – СЕР. III В. Н. Э.*

В. И. Мордвинцева

Институт всеобщей истории РАН, Москва

Аннотация. Среди источников для изучения культурно-исторических процессов в древности, обусловленных событиями социально-политического характера, наиболее объективными являются археологические материалы. Одна из форм взаимодействия в политической сфере – обмен символами власти и статуса. В материальной культуре такие символы могут быть представлены среди т. н. «предметов престижа». Репрезентативные сведения об изменениях в их ассортименте, наблюдаемых в течение длительного времени, могут помочь визуализировать развитие внутри- и внешнеполитических отношений между социальными элитами. Исходя из таких предпосылок, в настоящей статье рассмотрены погребальные комплексы крымских «варварских» элит, расположенные на территории между Херсонесом Таврическим и Боспорским царством, датируемые с III в. до н. э. до середины III в. н. э. В результате в обозначенных хронологических рамках выделено 4 периода, отличающиеся друг от друга социальной структурой и параметрами внешнеполитических связей варварских социумов, обитавших на полуострове. **1 («латенский»)**. В конце IV в. до н. э. была возведена крепость Ак-Кая, имеющая центральное значение для «варваров» Крыма. Здесь и в других стратегических местах обнаружены следы пожаров с последующим восстановлением и усовершенствованием оборонительных систем, относящиеся к 270-м гг. до н. э. Вскоре после этого погребальные комплексы «варварского» населения содержат предметы престижа Латенского облика, принадлежащие военной элите. Представители этой элиты контролировали, вероятно, территорию всего Крымского «Барбарикума», а также степи, прилегающие к Крыму с севера, в том числе окрестности Ольвии и ее хору. Предполагается, что в середине II в. до н. э. начался процесс консолидации и централизации элит. В центре крымских предгорий, к западу от Ак-Каи, строится новая крупная крепость (Неаполь Скифский), которая, видимо, превратилась в столицу государства раннего эллинистического облика. **2 («понтийский»)**. В конце II в. до н. э. Крым вошел в состав Понтийского царства Митридата VI Евпатора, вступившего в конфронтацию с Римской империей. В течение короткого времени регион оказался под его непосредственным управлением, что изменило направление контактов элит. **3 («римско-парфянский»)**. После победы над Митридатом римляне оценили стратегическое значение региона, не в последнюю очередь в силу их конфликтов с Парфией. Погребения элиты первых веков н. э. отражают взаимодействие с новыми контактными зонами. С одной стороны, они содержат римскую бронзовую и серебряную посуду, а также погребальные венки, обычные для греко-римских погребальных обрядов. С другой – китайские лаковые шкатулки и одежду из шелка. **4 («римско-боспорский»)**. Субординация «варварских» элит центрам греко-римской цивилизации усилилась во II и III вв. н. э. вплоть до окончания римского военного присутствия в регионе.

Abstract. On the basis of archaeological sources, it is expedient to study cultural transformations conditioned by events of a socio-political nature. Networking in the political sphere is closely connected with the exchange of symbols of power and status. In material culture, such symbols might be represented among the so-called 'prestige objects'. Changes in the assortment of such items observed over a long time-span can help us visualize the development of domestic and external relationships among social elites. Proceeding from such preconditions, the present paper will look at funeral complexes of the Crimean 'Barbarian' elites located on the territory between Chersonesus Taurica and the Bosporan kingdom dating from the 3rd century BC to the 3rd century AD. In the late 4th century BC, a fortress of central importance was erected at Ak-Kaya. Here and in other strategical places, there are traces of fires and subsequent restoration or enhancements of the defensive systems dating to the 270s BC. Shortly afterwards, the burial complexes of the 'Barbarian' population display prestige La-Tène-style objects belonging to the military elite. These elites controlled probably the territory of the Crimean 'Barbaricum', as well as the steppes adjoining the Crimea from the north, including settlements from the nearby territory of Olbia. By the mid-2nd century BC, the consolidation and centralization of the elites seems to have taken place. The capital fortress was moved westwards (Neapolis Scythica) and developed into a capital of a state of early-Hellenistic

* Исследования проводились при финансовой поддержке РФФ, проект № 15-18-30047 «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.)».

appearance. The process of consolidation was interrupted in the late 2nd century BC through the annexation of the Crimea by Mithradates VI Eupator. For a short time, the region got under his direct influence, which allowed for further elite contacts. Since their victory upon Mithradates, the Romans recognized the strategical importance of the region, not least during their conflicts with Parthia. The elite burials reflect interactions with new contact zones. On the one hand, they contain Roman bronze and silver tableware, and funeral wreaths – customary for Greco-Roman burial rites. On the other hand, there are Chinese Lacquer Boxes and the silk clothing. The subordination of the ‘Barbarian’ elites to the centers of the Greco-Roman civilization continued throughout the second and third centuries AD until the demise of Roman imperial policy in the region.

Ключевые слова: Культурная трансформация, сети взаимодействия, Крымская Скифия, политические элиты, погребальные комплексы.

Key words: Cultural transformation, interacting networks, Crimean Scythia, political elites, burial structures.

Введение

В изучении исторических эпох, о которых осталось мало или вообще не сохранилось письменных сведений, ведущую роль играют археологические источники. В них, как правило, отсутствуют прямые указания на содержание исторических событий и процессов. Эта информация генерируется исследователем при исследовании остатков материальной культуры, выявлении их сходств и различий и формулировании предположений об их природе и причинах их появления/исчезновения. Если существует хотя бы небольшое количество нарративов, на их основе формируются исторические модели, которые затем иллюстрируются конкретными памятниками материальной культуры. Это часто приводит к ситуации (и тому есть примеры в истории археологии), когда одна и та же историческая информация используется как универсальное объяснение любых изменений в археологическом материале, что дезавуирует необходимость научного анализа и исключает генерирование новой информации. Во избежание этого явления необходимо комплексное изучение археологических источников и на основе его результатов формирование взглядов на культурные трансформации¹ и стоящие за ними процессы², а данные исторической традиции можно использовать уже на заключительном этапе, сравнивая их с результатами анализа археологического материала.

Археологическими маркерами культурных трансформаций и связанных с ними культурно-исторических процессов являются: 1) появление и исчезновение тех или иных видов археологических памятников (поселения, могильники, святилища, клады, производственные комплексы), 2) качественные изменения в структуре и отдельных элементах археологических памятников (например, слои разрушений и пожаров, смена типов застройки на поселениях, появление новых участков и новых вариантов погребального обряда на некрополях, появление или исчезновение определенных типов артефактов и т. п.).

Формулирование гипотез о возможных причинах изменений, отмеченных на археологическом материале, – довольно сложная задача. Сходные трансформации могли вызываться действием различных эндогенных и экзогенных факторов, спецификация которых затруднена в силу отсутствия информации о существовании между ними устойчивых причинно-следственных связей. Кроме того, возможности познания

¹ Культурные трансформации можно определить как адаптивные реакции человеческого общества на изменения в окружающем мире.

² Культурно-исторические процессы представляют собой системные совокупности культурных трансформаций в конкретном историческом контексте, характеризующемся определенным хронологическим диапазоном, масштабом и содержанием.

прошлого ограничены неполнотой источников и индивидуальными особенностями личности исследователя. Единственным способом сделать выводы, наиболее приближенные к объективной реальности, является использование в работе следующего алгоритма: постановка проблемы (выбор предмета исследования), для решения которой существующая выборка источников является репрезентативной, выработка соответствующей материалу объективной методики, последовательное ее применение.

С этой точки зрения перспективным является исследование культурно-исторических процессов в «варварских»³ обществах Крыма в III в. до н. э. – сер. III в. н. э. В этих хронологических рамках социумы Крыма представлены культурами городского типа (*urban cultures*), к которым относятся полис Херсонес Таврический и европейская часть Боспорского царства, и не-городскими (*non-urban cultures*), или «варварскими», культурами, локализованными в пространстве между Гераклейским и Керченским полуостровами. Близкое расположение социумов разного масштаба и степени сложности⁴ делало неизбежным их взаимодействие. Известно также, что данный регион в определенный момент попал в сферу интересов Понтийского царства (став его частью) и Римской империи, что также не могло не стать вызовом для всего населения Крыма и не отразиться в том числе в археологическом материале. Начало и конец данного периода, как и отдельных его этапов, отмечены существенными изменениями в материальной культуре, соответственно, одним из основных является вопрос об их возможных причинах и последствиях.

В письменных источниках аборигенное население Крымского полуострова этого времени называют в основном «скифами» и «таврами». Кроме того, в трудах исследователей имеются сведения, большей частью косвенные, которые дают основания для вывода о проникновении на полуостров других групп «варваров», фигурирующих преимущественно под именем «сарматов». Соответственно, основным (фактически единственным) культурно-историческим процессом для рассматриваемых территории и периода традиционно называют ассимиляцию скифов (и уже ассимилированных скифами тавров) сарматами⁵, а любые наблюдаемые изменения в материальной культуре объясняют физическим проникновением («инфильтрацией») сарматских племен на территорию Крымского полуострова⁶. Эта научная парадигма сформировалась в конкретных исторических условиях⁷ и воспринимается сегодня большинством академического сообщества все еще как нечто само собой разумеющееся. Однако обращение к этнографическим материалам и наблюдения за процессами, происходящими на наших глазах в современном мире, дают основания полагать, что трансформация материальной культуры может быть обусловлена разнообразными причинами. В ее основе чаще лежат обрывы традиционных сетевых связей, чем появление «новых этнических групп». Представляется, что этническая интерпретационная модель в том виде, в каком она до сих пор применялась в отечественной науке, устарела и тормозит получение качественно новой информации, для чего необходимо проанализировать археологический материал с помощью других аналитических процедур.

Для выяснения возможных причин и последствий изменений, наблюдаемых в материальной культуре «варварских» социумов Крыма, на данный момент

³ О негативной оценке этого термина см. Beckwith 2009, 353–362, чью позицию я в целом разделяю. В данном (археологическом) дискурсе термин «варвары», «варварский» обозначает представителей «не-городских» культур.

⁴ О терминах см. Renfrew, Bahn 1991, 153.

⁵ Лобова 1956; Гушина 1967, 43; Раевский 1971а, 149; Богданова 1982, 33; Пуздровский 1994; 1999; 2001; Храпунов 1995; 2004; 2016.

⁶ См. историографический обзор В. И. Мордвинцевой в этом томе.

⁷ Мордвинцева 2008; 2016b.

целесообразно ограничить исследовательскую базу памятниками, связанными с элитой, как наиболее изученными и информативными. Элита особенно активно реагировала на события внутри- и внешнеполитического характера. Следовавшие за этими событиями культурные трансформации в социально-политической и идеологической сфере в концентрированном виде отражались на структуре и в содержании археологических памятников, связанных с элитой различных уровней политической интеграции. Сам факт существования таких уровней еще более усложняет интерпретацию археологического материала, тем не менее их наличие нельзя игнорировать.

Социумы отличаются друг от друга масштабом и, соответственно, пределами функционирования потестарных и политических отношений. Этнографами был определен «порог», ниже которого власть утрачивает потестарный или политический характер, – это общинный уровень, т. е. уровень отношений власти и властвования внутри локальной общины⁸. Уровень локальной общины может быть зафиксирован в археологическом материале с большой долей достоверности: одно поселение, один некрополь = одна община, хотя в каждом индивидуальном случае это надо обосновывать. Сложнее выделить надлокальные уровни. Этносоциальные организмы⁹ могут состоять из отдельных локальных общин, объединенных по гетерархическому (горизонтальному) и/или иерархическому (вертикальному) принципу (политическая интеграция). Часть властных полномочий делегируется элитам надлокального уровня. В зависимости от степени сложности политической интеграции на основании анализа большинства этнографически изученных обществ обычно выделяют три типа социумов: 1) автономная локальная община; 2) 1–2 уровня над общиной; 3) 3 и более уровня над общиной¹⁰. Общественное положение элиты социума любого масштаба так или иначе отражается при создании объектов материальной культуры. Исходя из этого, представление о локальных и надлокальных (региональных и надрегиональных) элитах, их субординации и связях можно составить на основании сравнительного анализа (по масштабу и содержанию) археологических объектов.

Связанные с элитой комплексы могут относиться к любой категории археологических памятников. Однако при изучении культурных трансформаций обществ, относящихся к различным хозяйственно-культурным типам, в том числе практически не оставляющих после себя следов длительного пребывания на одном месте, наиболее рационально анализировать погребальные памятники. Они представляют собой совокупность множества закрытых комплексов, вызывают большой интерес исследователей и из-за этого лучше изучены. В то же время для выявления «фокусных» мест дислокации элиты, в том числе для оценки уровня ее политической интеграции, необходимо учитывать данные других категорий археологических памятников, в частности поселений, масштаб которых можно оценить по их площади и мощности фортификационных сооружений, а также по качественным характеристикам обнаруженного в культурных слоях материала.

Для ответа на вопрос о направлении внутри- и внешнеполитических связей варварских обществ Крыма разного уровня политической интеграции, их трансформациях и причинах этих трансформаций необходимо проанализировать

⁸ Куббель 1988, 31.

⁹ Термин предложен Л. Е. Куббелем (1988, 5).

¹⁰ Крадин 2012, 164.

характеристики погребальных памятников элиты, которые наиболее информативны в этом отношении. Одним из наиболее очевидных признаков политической ориентации элит являются предметы, знаки и символы, институализированные в обществе как маркеры социального престижа. Их используют при различных обстоятельствах, в том числе во время похорон, которые являются массовым мероприятием, имеющим одной из своих целей легитимацию полномочий преемника усопшего. Демонстрируемые при этом маркеры социального престижа могут являться отражением, с одной стороны, принадлежности к определенному социальному кругу, в который входил погребенный и его преемник (внутриполитические, как правило, горизонтальные связи), а с другой – направления их реально существующих или желаемых внешнеполитических контактов (как горизонтальных, так и вертикальных).

Для выделения маркеров социального престижа необходимо провести анализ погребальных памятников. В погребальном комплексе выделяют две постоянные (погребальное сооружение и останки погребенного) и две необязательные (посмертный инвентарь и дополнительная структура) составляющие¹¹. Употребление нестандартных элементов в любой из этих составляющих маркирует особое социальное положение погребенного, часто связанное с высоким социальным статусом. Такие элементы диагностируются с помощью количественного и качественного анализа погребального обряда¹². В процессе выявления маркеров высокого социального статуса с помощью количественного анализа вычисляются элементы, использование которых было эпизодическим или единичным. С помощью качественного анализа среди этих редких элементов обнаруживают предметы из драгоценных металлов, с художественными изображениями, редких импортов. Анализ проводится отдельно для мужских, женских и детских погребений (при наличии половозрастных определений), поскольку гендерные и возрастные различия в маркерах социального престижа представляют собой важную социально-культурную характеристику, изменение которой может являться признаком произошедшей культурной трансформации.

Наблюдения за изменением в ассортименте таких предметов, знаков и символов могут служить источником информации о культурных трансформациях. При анализе инноваций среди маркеров социального престижа, обнаруженных в погребальном контексте, должны учитываться: 1) сфера применения предмета в погребальном контексте (погребальные приношения, предметы костюма); 2) предположительная сфера применения при жизни (идеологическая, военная, бытовая) либо изготовление специально для погребения; 3) место изготовления (импортный / местный); 4) происхождение (культурный контекст) идеи предмета в рамках изучаемого хронологического периода (оригинал/дериват).

Характеристика источниковой базы

К III в. до н. э. состав и расположение археологических памятников Крымского полуострова, относящихся к культурам не-городского типа, существенно изменились по сравнению с предшествующим временем. Археологические памятники исследуемого периода представлены укрепленными и неукрепленными поселениями, некрополями, святилищами, кладами (ритуальным и монетными), тогда как до этого здесь известны

¹¹ Смирнов 1997, 30–31.

¹² Мордвинцева 2015а, 118–119.

только неукрепленные поселения и погребальные комплексы. По специфике географических условий выделяются пять основных зон их локализации: (1) предгорная, (2) приморская западная, (3) приморская южная, (4) горно-предгорная и (5) степная¹³. Сведения об археологических находках крымского Южнобережья, находящегося в зоне активного действия естественных экзогенных процессов, немногочисленны и, скорее всего, не отражают реальную ситуацию. Многие из выявленных здесь комплексов залегали под мощным слоем обвалов, и картина, построенная на основании обобщения известных на сегодняшний день данных, может существенно измениться при расширении исследовательской базы¹⁴. То же самое во многом относится к горной части Крыма, покрытой лесом и не распахиваемой и потому бедной подъемным материалом. Поселенческие и погребальные памятники здесь пока не открыты. В то же время хорошо известны и относительно полно изучены горные святилища¹⁵, являющиеся самостоятельным и весьма информативным источником по культуре варварского населения Крыма. В степи, несмотря на ее планомерное исследование Северо-Крымской археологической экспедицией, археологические памятники изучаемого периода практически отсутствуют. Впрочем, погребения малочисленны и в предшествующий скифский период в центральной части крымской степи, как видно из карт, составленных В. С. Ольховским¹⁶ и С. Г. Колтуховым¹⁷. Таким образом, основу исследовательской базы составили преимущественно материалы из предгорной и приморской западной зон.

Не все памятники исследованы в равной степени, большинство их может быть датировано только в широких пределах. Наиболее дробную периодизацию дают поселения со слоями пожаров и перестроек, содержащими материал, для которого хорошо разработана хронология (клейменные амфоры, монеты, надписи). В погребениях рассматриваемой эпохи такие хроноиндикаторы встречаются крайне редко. К числу сравнительно узко датирующих предметов относятся керамические унгентарии, амфоры, металлическая посуда, некоторые формы импортной керамической посуды, предметов вооружения, конской упряжи, поясной и портупейной гарнитуры, украшений. Относительная хронология, разработанная на материале могильников и синхронизированная с материалами городищ (в основном с Неаполем Скифским), в целом позволяет выделить горизонты III–II вв. до н. э. – начала I в. н. э. (с подгоризонтами III–II вв. до н. э. и I в. до н. э. – начала I в. н. э.), I в. н. э. – середины II в. н. э. и середины II – середины III в. н. э.¹⁸, для которых отмечены значительные изменения в материальной культуре. При этом III в. до н. э. с середины 1990-х годов до недавнего времени был исключен из хронологической концепции Крымской Скифии¹⁹, но после открытия надежно датированных слоев городища Ак-Кая произошла определенная, хотя

¹³ О физико-географическом делении Крыма см. Подгородецкий 1988, рис. 8.

¹⁴ См. Лысенко 2015, 82.

¹⁵ Новиченкова 2002; 2015; Лысенко 2009; Гаврилов, Труфанов 2014.

¹⁶ Ольховский 1991, 19 рис. 2.

¹⁷ Колтухов 2012а, 162 рис. 1.

¹⁸ Ср. Зайцев 2003; Труфанов 2009; Пуздровский 2007, 15–44, 89–107.

¹⁹ См. статью А. И. Иванчика в настоящем томе.

пока еще не окончательная, реабилитация археологических памятников этого столетия, а в публикациях вновь появились даты III и III–II вв. до н. э., в том числе для погребальных комплексов²⁰.

В период III–II вв. до н. э. погребальные комплексы, оставленные варварским населением, расположены преимущественно в центральной и восточной части предгорной зоны (к северу от Крымских гор), а также в западной прибрежной зоне (рис. 1). В степи (в восточной ее части) известен лишь один комплекс – ритуальный клад в насыпи кургана эпохи бронзы²¹. Некрополи предгорной зоны представлены в основном перекрытыми насыпями каменными гробницами (каменными ящиками и склепами), содержащими многоактные захоронения (иногда более 100 костяков)²². Эти захоронения представляли собой либо индивидуальные погребения, расположенные рядами и / или ярусами, либо «костницы» – многочисленные отдельные кости скелетов (чаще всего черепа и длинные кости конечностей), целые или разбитые (иногда на мелкие фрагменты), среди которых встречаются артефакты и их фрагменты. Сооружение каменных конструкций, в которых находят многоактные захоронения, датируют обычно IV, рубежом IV–III и III вв. до н. э.²³ Во многих случаях зафиксированы также ассоциируемые с этим временем вещи. При этом предполагается, что все эти конструкции были ограблены в древности²⁴, и затем вновь использованы новым населением в течение периода со второй половины II в. до н. э. по I и даже II вв. н. э. Учитывая, что такая ситуация реконструируется для большинства погребальных сооружений этого типа, возникают сомнения в правильности данного предположения, хотя исключать его полностью нельзя. Погребальные и постпогребальные обряды весьма разнообразны²⁵, и неизменное использование одних и тех же склепов сходным образом в течение нескольких столетий свидетельствует, скорее всего, о постоянном воспроизводстве этих обрядов практиковавшим их населением. К категории каменных склепов с многоактными захоронениями следует отнести и мавзолей, пристроенный с внешней стороны к оборонительной стене крепости Неаполя Скифского, содержащий захоронения знати последней четверти II–I в. до н. э.

Помимо каменных гробниц в центральной части предгорий и на северо-западном побережье известны несколько впускных индивидуальных погребений в курганы более раннего времени. Кроме того, в это время начинают функционировать грунтовые некрополи, погребальные сооружения которых представлены двух- и однокамерными склепами с многоактными захоронениями и подбойными могилами с индивидуальными и коллективными (многоактными?) захоронениями (в некрополе Беляус, расположенном в северо-западной прибрежной зоне). В могильниках Беляус и Кульчук исследовано также несколько могил с остатками трупосожжений в амфорах²⁶, которые относятся к

²⁰ См., например, Зайцев, Мордвинцева 2010.

²¹ Зайцев, Мордвинцева 2003а, 62–69, 97–98. До сих пор не ясно, связан ли этот клад с погребением № 18 середины I в. до н. э., или же он относится к более раннему времени. Оба археологических комплекса уникальны для Крыма, и нахождение их в одном кургане не может быть случайным.

²² Троицкая 2015.

²³ Колтухов 2001.

²⁴ Пуздровский 2007.

²⁵ См. Смирнов 1997; Флеров 2000; 2013; Сорокина, Сударев 2001.

²⁶ Пуздровский 2007, 90; Дашевская 1978; 2014.

началу рассматриваемого периода (III в. до н. э.). Грунтовые могильники – совершенно новое явление в погребальной обрядности Крымского полуострова. При этом грунтовые склепы-катакомбы функционально (усыпальница/мощехранилище длительного срока использования) близки упомянутым выше каменным гробницам. Сооружение подземных склепов могло быть обусловлено в числе прочего отсутствием у проводившего похороны населения традиции строительства каменных погребальных конструкций и повышенной трудозатратностью таких работ.

В I в. до н. э. большинство каменных гробниц и возникших в предыдущем периоде грунтовых могильников со склепами-катакомбами и другими видами могильных конструкций продолжают функционировать (рис. 2). В это время в предгорьях все еще воздвигаются новые каменные склепы²⁷. В восточной части степи, в центральной и восточной части предгорий, на северо-западном побережье известны индивидуальные впускные погребения в курганах более раннего времени. Новые грунтовые могильники возникают в западной части предгорной зоны, в северо-западной и юго-западной прибрежных зонах. По-прежнему ведущей формой погребального сооружения являются грунтовые склепы-катакомбы с многоактными захоронениями.

Существенным образом картина меняется в I – первой половине II в. н. э. (рис. 3). В это время в юго-западной предгорной и прибрежной зонах появляется большое число новых грунтовых могильников. Новые грунтовые некрополи зафиксированы также в восточной предгорной зоне. Причем на фоне продолжения использования части каменных и грунтовых склепов массово распространяется обряд погребения в индивидуальных могилах, как правило, подбойных или узких прямоугольных, реже могилах с заплечиками. Новые каменные гробницы с этих пор уже не сооружаются. Грунтовые склепы-катакомбы становятся ведущей формой могил для погребений элиты. На Южнобережье, в его западной (бассейн реки Черная²⁸) и центральной (Лучистое-2²⁹) части, а также на востоке предгорий открыты могильники с трупосожжениями, некоторые из которых являются биритуальными (совхоз «Севастопольский», Чернореченский) и даже полиритуальными (Лучистое-2). В степи (на севере, в районе перешейка, и на востоке) и в западной части предгорий зафиксированы подкурганые индивидуальные погребения.

В период со второй половины II по середину III в. н. э. (рис. 4) количество новых грунтовых некрополей в западной предгорной зоне увеличивается, появляются новые могильники в центральной и восточной части предгорий, причем практически все они продолжают функционировать и в следующую историческую эпоху. Вероятно, именно в это время на некоторых некрополях появляются вырубные скальные склепы, в которых погребались, скорее всего, представители элиты (Неаполь Скифский, Брянское). Из-за их ограбления точные даты возникновения этих конструкций неизвестны, они датируются по косвенным признакам, в частности по полихромным росписям. Новым явлением стали некрополи, расположенные в афотических (лишенных доступа света) частях пещер Предгорного и Горного Крыма³⁰. Несколько новых могильников с трупосожжениями

²⁷ Например, Тавельский курган № 5 (раскопки Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой, материалы не опубликованы).

²⁸ Стржелецкий и др. 2004; Савеля, Савеля 2018.

²⁹ Лысенко и др. 2014; Лысенко, Масякин, Мордвинцева 2015; Мордвинцева, Лысенко 2016.

³⁰ Лысенко 2003.

открыто на Южнобережье, один из которых относится к античной культуре городского типа (Ай-Тодор). Примерно в середине III в. н. э. большинство поселений и некрополей предгорной и прибрежной зон, за некоторым исключением (рис. 4), прекращает функционировать.

Характеристика погребальных памятников элиты

Археологические памятники, связанные с элитой, могут иметь разные статусы, в зависимости от того, с каким уровнем политической интеграции эти элиты соотносятся (локальный или различные надлокальные уровни). Надлокальный статус некоторых погребальных комплексов и могильников может быть предположен как по их локализации вблизи фокусных мест, таких как наиболее крупные и значимые поселения, для которых, в частности, установлен «столичный» статус, так и по обнаружению в них особых маркеров социального престижа.

В III в. до н. э. таким поселением было городище Ак-Кая. Оно расположено у с. Вишенного в Белогорском районе, в центральной части Предгорного Крыма, в зоне предгорно-степных ландшафтов, в стратегически важном месте: поблизости от основной дороги, ведущей вдоль предгорий и связывающей западное и южное побережье с Керченским полуостровом. Крепость античного времени занимает площадь ок. 10 га – это самое крупное укрепленное поселение на «варварской» территории в III–II вв. до н. э.³¹, которое интерпретируется как «первая столица крымских скифов»³². Его оборонительные сооружения, состоящие из крепостной стены с башнями, протейхизмой и периболом, прослеживаются в виде ломанной линии на северном и восточном склонах и примыкают к скальным обрывам³³. Время строительства крепости определяется на основе анализа керамического материала (амфорные клейма Синопы и Херсонеса) концом IV – рубежом IV–III вв. до н. э.

Погребальные комплексы элиты, связанной с населением «первой столицы крымских скифов», пока не локализованы. Вероятно, они располагались отдельно от стандартных кладбищ рядового населения. В этой связи стоит упомянуть, что в прямой видимости от городища Ак-Кая, на вершинах и обращенных к северу пологих склонах куэст Ак-Кая и Беш-Оба, находится курганный некрополь с насыпями до 10 м высотой – единственными столь крупными погребальными комплексами в Крыму за пределами Керченского полуострова. Материалы, полученные при раскопках кургана IV, дали основание исследователям датировать его серединой – третьей четвертью IV в. до н. э.³⁴ К этому же времени относилось, видимо, и ограбленное в 2002 г. основное погребение кургана IX. По конструкции подкурганых катакомб и оставшемуся после ограблений немногочисленному инвентарю эти погребальные комплексы аналогичны гробницам боспорской знати соответствующего хронологического горизонта. Возможно, именно этот элитный некрополь соотносится с наиболее ранним культурным слоем городища

³¹ Колтухов 1999, 21, 110–111; Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015, 201.

³² См. статью Ю. П. Зайцева в этом томе.

³³ Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015, 201.

³⁴ Колтухов, Мыц 2001, 36.

Ак-Кая (до пожара I, датируемого 70-ми гг. III в. до н. э.³⁵), однако данных для более конкретных выводов пока недостаточно.

К III в. до н. э. – первой половине II в. до н. э. относятся многоактные погребения в каменных склепах, исследованные в предгорном Крыму³⁶. Анализ социальной структуры по материалам таких погребальных сооружений затруднен, поскольку в склепах обнаружены смещенные костные останки и немногочисленный, как правило, погребальный инвентарь, который сложно связать с конкретным индивидуумом. Однако и в этих комплексах зафиксированы предметы престижа, известные по другим погребениям: например, железные поясные пластины с изображениями, импортные зеркала, лепные курильницы с шарообразным туловом и пр.³⁷

Этим же временем, видимо, следует датировать впускное погребение в кургане у с. Чистенького³⁸, которое можно определить как «погребение элиты», принимая в расчет состав погребальных приношений и обособленное расположение этого комплекса (т. е. вне могильника соответствующего периода). Курган локализован в центральной части крымских предгорий, в южном пригороде современного г. Симферополя, в районе которого в скифское время зафиксированы курганы с погребениями элиты. Стратегическое значение этого места определяется тем, что оно расположено на пересечении маршрутов, связывающих Восточный, Центральный и Западный Предгорный Крым, а также прибрежные территории. В частности, здесь начинается наиболее удобный путь, ведущий из бассейна р. Салгир через долину р. Альмы (район с. Краснолесья) в ландшафтную зону Южнобережья³⁹.

Во II в. до н. э. в западной приморской и предгорной зонах начинают функционировать грунтовые некрополи, погребальные конструкции которых содержат, как правило, многоактные захоронения. В отличие от каменных склепов более раннего периода и синхронных, в грунтовых склепах-катакомбах в ряде случаев удается вычлнить инвентарь отдельных погребений, что делает возможным изучение социальной структуры и выявление маркеров социального престижа⁴⁰.

Примерно около середины II в. до н. э. происходят изменения в пространственной локализации и субординации предгорных городищ. В 150–130 гг. в Центральном Крыму, на городище Керменчик (Неаполь Скифский), происходит строительство крупных объектов, в частности фундаментального здания типа «мегарон» и южной оборонительной стены, в результате чего площадь городища расширяется до 14 га⁴¹. В то же самое время площадь городища Ак-Кая уменьшается, резко сокращается импорт в керамической таре, застройка становится хаотичной, что интерпретируется как признак перенесения «столицы» в западном направлении⁴². В последней четверти II в. до н. э. на

³⁵ См. статью Ю. П. Зайцева в этом томе.

³⁶ Колтухов 2001; Пуздровский 2007, 19–29; Зайцев, Мордвинцева 2010.

³⁷ Зайцев, Мордвинцева 2010, рис. 6–7.

³⁸ Мордвинцева 2018b.

³⁹ Кебитский (Кебит-Богаз) перевал (596 м) значительно ниже Ангарского перевала (752 м) и был, вероятно, основным маршрутом в древности.

⁴⁰ См., например, Мордвинцева 2017a.

⁴¹ Зайцев 2003, 22–24.

⁴² Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015, 207.

Неаполе Скифском возводятся мавзолей – каменное сооружение, предназначенное для захоронения представителей элиты, в том числе, видимо, известного по письменным источникам скифского царя Скилура⁴³, которое продолжало функционировать на протяжении I в. до н. э.

В большинстве некрополей с многоактными захоронениями в грунтовых и каменных склепах вероятные представители «элиты» (вместе с останками которых обнаружены «предметы престижа») помещены среди «стандартных» погребений, что, вероятно, является свидетельством локального статуса этих «элит». В случаях с курганом у с. Чистенького (обособленный погребальный комплекс элиты, вне некрополя) и мавзолеем Неаполя Скифского (специализированный некрополь элиты) можно сделать вывод, что властные полномочия захороненных здесь представителей элиты распространялись на несколько социумов, хоронивших своих членов в отдельных некрополях (надлокальный уровень внутриполитической интеграции). Сравнительный анализ погребений мавзолея позволяет предполагать наличие нескольких уровней иерархии внутри надлокальной элиты. Показательно, что оба памятника локализируются в одном и том же районе крымских предгорий, но отличаются по типу погребального сооружения и хронологически. Причем если мавзолей – связанная с городищем Неаполь Скифский структура, пристроенная к оборонительной стене, то курган у с. Чистенького – комплекс, не связанный непосредственно с каким-либо городищем, предшествующий появлению Неаполя и синхронный периоду расцвета городища Ак-Кая/Вишенного, которому также приписывается «столичный» статус. Не исключено, что перенесение «столицы» из восточной в центральную часть предгорий в третьей четверти II в. до н. э. было связано с дислокацией здесь сильной группировки «варваров», вокруг которой впоследствии, видимо, произошла централизация «варварских» элит («скифское царство Скилура»). Таким образом, для «варваров» Крыма периода III–II вв. до н. э. можно констатировать наличие иерархии элит с не менее чем двумя уровнями внутриполитической интеграции.

В I в. до н. э. – начале I в. н. э. в мавзолее Неаполя Скифского продолжали совершать погребения, но эти относительно поздние (расположенные в верхних слоях) комплексы содержат мало «предметов престижа», зафиксировано большое число безинвентарных костяков. Такая же ситуация отмечается и на других некрополях. Несмотря на по-прежнему особое (выделенное) положение мавзолея, не исключен вариант утраты ключевых позиций элитой, связанной со столичной крепостью. Именно в этот период на востоке степной зоны было совершено женское захоронение № 18 в Ногайчинском кургане эпохи бронзы⁴⁴, которое по обособленности его расположения можно интерпретировать как надлокальное, а по составу и качеству входивших в комплекс вещей – как Prunkgrab⁴⁵. Контраст этого погребения с другими захоронениями элиты «варваров» Крыма настолько велик, что можно ставить вопрос не только об иной культурной

⁴³ Зайцев 2001.

⁴⁴ Зайцев, Мордвинцева 2003а, с литературой.

⁴⁵ Prunkgräber – это разновидность погребальных комплексов элиты, сопряженная с особой внутри- и/или внешне-политической ситуацией (Kossack 1998, 14, 28–29; Rader 2003, 27; Egg 2009, 46–48). Не всякое «самое богатое» погребение региона в определенный хронологический промежуток может именоваться Prunkgrab. Трудность определения погребального комплекса как Prunkgrab состоит в расплывчатости единственного предложенного формального критерия – «экстремально богатые дары». Суммируя основные выводы исследователей, обращавшихся к феномену Prunkgräber, можно предложить в качестве формального качественного критерия наличие в комплексе не только превышающего обычного количества маркеров социального престижа (Überausstattung), но и предметов, которые по качеству изготовления и использованным в дизайне материалам можно отнести к образцам высшего мирового уровня, представляющих собой большую материальную (не только духовную) ценность.

традиции той социальной группы, от лица которой оно было совершено, но и о возможном распространении влияния этой группировки на другие «варварские» социумы Крыма.

В начале I – первой половине II вв. н. э., на фоне общих изменений в погребальном обряде крымских «варваров» (смена склепов с многоактными погребениями индивидуальными могилами) наблюдается трансформация в саморепрезентации элит. В этот период несколько некрополей, которые уже функционировали в предыдущий период (Неаполь Скифский, Усть-Альма), и несколько новых (Заветное, Вилино) приобретают черты «элитных» по сравнению с другими. Одним из основных признаков, позволяющих выделить эти погребальные памятники, является наличие в них золотых погребальных венков – элемента греко-римского погребального обряда. Связанные с упомянутыми некрополями городища Неаполь Скифский, Усть-Альминское и Алма-Кермен находятся примерно на равном расстоянии друг от друга, между ними расположены городища и селища меньшего масштаба, что позволяет предположить либо существование отдельных гетерархически соотносящихся друг с другом социумов, либо вхождение их (формальное или неформальное подчинение) в более крупную политику с центром, находящимся за пределами Юго-Западного Крыма. Все три центра располагаются в стратегически важных местах: вероятный порт на западном побережье (городища на северо-западном побережье в это время прекращают функционировать), поселение на перекрестке путей из Центрального Крыма и долины Альмы и в центре крымских предгорий, на берегу р. Салгир, связывающей предгорья как с Восточным Крымом, так и с побережьем.

В случае с курганом у п. Вилино речь идет об отдельно расположенном погребальном комплексе, сооружение которого могло быть связано с другой элитарной группировкой, которая хотя и разделяла общие символы, но, возможно, проявляла определенные центробежные стремления. Обособленное положение среди погребальных комплексов элиты данного периода занимает могила 1 некрополя Лучистое-2 в южной прибрежной зоне. Комплекс отличается от других погребений могильника обрядом (труположение), а от синхронных погребений элиты других могильников – маркерами социального статуса. Это косвенным образом указывает на политическую субъектность оставившего могильник социума.

В период с середины II по середину III вв. н. э. как фокусное место можно однозначно определить только Неаполь Скифский. В это время (горизонты В1–А1)⁴⁶ на городище функционировал т. н. «Северный дворец» с фресковыми росписями, погибший во второй четверти III в. н. э.⁴⁷ Для данного периода зафиксированы скальные вырубные склепы с нишами и росписями, подобные боспорским⁴⁸, и обособленный некрополь элиты, расположенный на месте бывшего «Южного дворца»⁴⁹. Весьма вероятно над-локальное положение элиты, имеющей ставку в этом месте.

⁴⁶ Зайцев 2003, 21 табл. 2.

⁴⁷ Зайцев 2003, 37–38.

⁴⁸ Бабенчиков 1957, 94–118; Зайцев 2003, 206–207 рис. 136–137. Ср. Ростовцев 1914, табл. ХСII, ХСIII, ХСVIII–ХСХ.

⁴⁹ Зайцев, Мордвинцева 2007b.

Дополнительную информацию об организации «варварских» элит Крыма и их внутри- и внешнеполитических связях можно получить с помощью сравнительного анализа маркеров социального престижа.

Сравнительный анализ маркеров социального престижа

Маркеры социального престижа III–II вв. до н. э.

В склепах с многоактными захоронениями (в каменных гробницах и грунтовых катакомбах) предметы престижа «стандартных» мужских наборов погребальных приношений представлены элементами конской упряжи (удила, псалии), наступательного вооружения (копья), а в костюме – портупейной гарнитурой (поясные пластины с крючком, поясные крюки, металлические наконечники ножен ножа). Предметы престижа «стандартных» женских наборов ограничены персональными украшениями костюма, в частности золотыми и серебряными серьгами с окончаниями в виде головок львов или грифонов, палицы Геракла.

В погребальном костюме элиты, как мужчин, так и женщин, в качестве маркеров социального престижа использовались круглые фибулы-броши, перстни, золотые и бронзовые нашивные бляшки. Среди погребальных приношений, общих для погребенных обоего пола, зафиксированы сосуды для хранения ароматических масел (унгвентарии) и керамические светильники. В детских погребениях особыми маркерами социального престижа являлись бронзовые шейные кольца – гривны, а среди погребальных приношений – бронзовые бляхи в зверином стиле, использовавшиеся, видимо, в качестве амулетов (Беляус).

Из сопредельного посмертного инвентаря⁵⁰, общего для погребенных представителей элиты вне зависимости от пола и возраста, выделяются захоронения лошадей, совершенные поблизости от погребальной конструкции (во входной яме или над камерой склепа, внутри каменного мавзолея – Чистенькое, Беляус, мавзолей и Восточный некрополь Неаполя Скифского).

Редкими маркерами социального престижа, относящимися к погребальному сооружению, являлись обособленное положение погребального комплекса – в кургане (с. Чистенькое) и в особой каменной конструкции (мавзолей), пристроенной к внешнему панцирю оборонительной стены (Неаполь Скифский). Редкость этих характеристик позволяет предположить, что погребенные в этих комплексах относились к представителям элиты надлокального уровня. Остальные редкие маркеры престижа относятся к сопровождающему посмертному инвентарю. Комплексы, в которых они найдены, очевидно, также можно отнести к надлокальному уровню.

Так, для мужских погребений III в. до н. э. это особые элементы костюма: трапециевидные орнаментированные поясные пластины с крючком. Погребальные приношения в кургане у с. Чистенького, помимо прочего, включали редкие предметы упряжи, в том числе бронзовые пластины, украшенные изображениями.

Мужские погребения надлокального уровня II в. до н. э. содержали золотые украшения костюма (фибула-брошь, нашивные бляшки). Среди особых погребальных приношений – детали защитного доспеха (шлем, щит) и особые предметы вооружения

⁵⁰ О терминах см. Смирнов 1997, 30–31.

(меч, секира), серебряные чаши, импортное зеркало, железный жезл, бронзовое навершие (повозки?), керамический расписной алтарь, погребальное ложе. В женских погребениях обнаружены золотые нагрудные украшения – медальоны (с геометрическим орнаментом и с погрудным изображением антропоморфного божества) и подвески, пронизи и бусы. В двух некрополях в погребениях обоюбого пола отмечены также находки пластин, изготовленных из бронзы и серебра (Беляус) и золота (мавзолей Неаполя), обычно интерпретируемых как «наглазники»⁵¹ и «нагубники».

При сравнении маркеров социального престижа из погребений III–II вв. до н. э. и из скифских комплексов предшествующего периода, бросается в глаза большое число инноваций – и по стилю / культурной традиции этих предметов, и по их набору. Погребения «варварской» элиты Крыма предыдущего (скифского) периода, независимо от гендерной принадлежности, как правило содержали такие маркеры, как золотые нашивные бляшки (геометрической формы и выполненные в зверином стиле) костюма, импортная (греческая) столовая посуда и амфоры. Для мужских погребений элиты при этом была характерна экипировка воина-всадника: панцирный доспех, предметы вооружения (меч, копьё, стрелы) и конской упряжи (звериный стиль), а также предметы для погребального пира: драгоценные сосуды для питья (деревянные чаши с золотыми обкладками в зверином стиле), элементы греческих металлических сервизов для употребления вина⁵².

Погребение надлокального уровня в кургане у с. Чистенькое, единственное, которое можно отнести к III в. до н. э.⁵³, также содержало экипировку воина-всадника. Инновации состоят в наличии поясной трапециевидной пластины с крюком, украшенной сюжетным рельефом, а среди погребальных приношений – унгентария и специфического конского убора, включавшего налобник и пластины оголовья с изображениями.

Весьма информативно происхождение маркеров социального престижа, т. е. те сети взаимодействия, в которые были включены использовавшие их социальные группы. Поясная пластина с крюком из Чистенького имеет сравнительно небольшой круг аналогий (рис. 5, 1). Это пряжки из Нижних Серогоз Херсонской области⁵⁴ (рис. 5, 3), ритуального клада III в. до н. э. у с. Веселая Долина Тарутинского района Одесской области⁵⁵ (рис. 5, 4), грунтового склепа с многоактными захоронениями № 25 некрополя Левадки Симферопольского района⁵⁶ и каменного склепа некрополя Сары-Кая неподалеку от городища Ак-Кая/Вишенное Белогорского района Крыма⁵⁷ (рис. 5, 2). Все они изготовлены из железа и в ряде случаев украшены резными изображениями, которые сверху покрыты золотой (в случае с Чистеньким – бронзовой) пластиной. По краю всех

⁵¹ Ю. П. Зайцев видит в них также миниатюрные изображения (модели) кельтских щитов, что не исключает возможности их использования как наглазников (2018, 316).

⁵² Колтухов 2012а, рис. 11, 4–8; 19; 40; 57, 1–6; 60; 77; 79; 87; 93.

⁵³ Мордвинцева 2018b.

⁵⁴ Ростовцев 1914, Табл. LXXXV, 3.

⁵⁵ Редина, Симоненко 2002; Зайцев 2009, 540; Mordvinceva, Redina 2013.

⁵⁶ Раскопки С. А. Мульда.

⁵⁷ Зайцев, Мордвинцева 2010.

пластин расположен бордюр, имитирующий орнамент «косичка». Репертуар образов: птица, клюющая рыбу (Веселая Долина), поединок двух всадников (Нижние Серогозы), человеческая фигура между двух крылатых коней (Чистенькое). В случае с поясной пластиной из Веселой Долины значение изображения поддается конкретной интерпретации. Птица, клюющая рыбу, фактически является гербом Ольвии. Эта сцена помещена на ольвийских монетах⁵⁸, датированных от последней трети V в. до н. э. до конца I в. н. э. На других трапециевидных пластинах изображение не реконструируется, но по краю так же выбит бордюр типа «косичка». Сходные по функциональному назначению, но отличающиеся по форме и отсутствию орнаментации железные поясные пластины обнаружены в кургане у х. Водного III в. до н. э. в Прикубанье⁵⁹ и в могилах 29, 38, 39, 45, 91 восточного некрополя Неаполя Скифского⁶⁰. Уникальность сюжетов при их стилистической однородности в совокупности с ареалом встречаемости, ограниченным предместьями Ольвии, степями Таврии, Центральным Крымом, свидетельствует о тесных контактах элиты этих районов в III в. до н. э. Весьма вероятно их вхождение в одно политическое объединение.

Бронзовые пластины конского убора (рис. 6, 1, 2) отличает специфический стиль изображения, в частности деление орнаментального поля на зоны, сочетание горизонтального и вертикального расположения элементов, орнамент из арок и горошин, обрамление зон выпуклыми полосами с поперечными насечками, «кельтские мертвые головы», статичные антропоморфные и зооморфные фигуры. Наиболее близкую аналогию им составляют конские пластины из ритуальногоклада в Бубуечи (Молдавия) (рис. 6, 3, 4), хронологическая позиция которого, как и в случае с Чистеньким, различными исследователями определяется от IV–III до I в. до н. э.⁶¹ Идентичные «кельтские маски» изображены на фаларах из погребения элиты в кургане 31 могильника Глиное (Приднестровье)⁶², датированного по клейменной синопской амфоре серединой 10-х гг. III – 90-ми гг. II в. до н. э.⁶³ Исходя из общей формы и назначения предметов, совпадения большинства изобразительных элементов и их композиции следует предположить их изготовление в одной художественной традиции в III в. до н. э.⁶⁴ Стилистически близкий геометрический выпуклый орнамент из полос, горошин и окружностей на плоском фоне отмечен также на конских уборах из первого склепа

⁵⁸ Зограф 1951, табл. XXXI, 4, 5; XXXII, 2, 4, 11–13; XXXIII, 2; XXXIV, 12, 15.

⁵⁹ Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, Кат. 72.

⁶⁰ Сымонович 1983, табл. XIV, 5; табл. XVI, 3, 4, 12, 19, 30.

⁶¹ IV–III вв. до н. э. (Черненко 1968, 53–54; Нефедова 1994, 28–29); III вв. до н. э. (Симоненко 1982, 237–238); II–I вв. до н. э. и даже I в. н. э. (Полин 1992, 53); II–I вв. до н. э. (Мордвинцева 2001, 112–113).

⁶² Тельнов, Четвериков, Синика 2016, рис. 107, 6, 7.

⁶³ Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 948.

⁶⁴ В 2001 г. я датировала пластины из Бубуечи, основываясь на определении хронологических позиций погребения в Чистеньком второй половиной II в. до н. э. и на датировках «кельтских масок» (Мордвинцева 2001, 110–113). Формальные стилистические же особенности пластин я определяла при этом как «архаические», с аналогиями в торовитке древностей фракийско-кельтского круга (Éluère 1994, 46, 48; Green 1996, 19 fig. 7; Венедиков, Герасимов 1973, Кат. № 219, 222; Мелюкова 1979, 197, рис. 45; Kaul 1991, fig. 53).

Васюринской горы⁶⁵ и кургана у станицы Тенгинской на Кубани⁶⁶. Отсутствие серии аналогичных находок не позволяет пока однозначно ответить на вопрос о природе сетевых отношений между элитами крымских предгорий и Поднестровья. В то же время культуры обоих регионов в период III–II вв. до н. э. сближают не только редкие предметы торевтики, но и типологически сходные группы «предметов престижа» погребального инвентаря: лепные шаровидные курильницы, поясные крюки, конские налобники с крючком⁶⁷. Это позволяет говорить как минимум об общих культурных истоках.

Неизвестным ранее в культуре «варваров» Крыма элементом погребального обряда является помещение в могилу унгентария – сосуда для хранения ароматических масел, использовавшихся, в частности, в гигиенических целях атлетами и воинами. Этот элемент погребальной культуры, связанный с идеей очищения, характеризует греческую культурную традицию и становится обычным приношением в греческих могилах периода эллинизма⁶⁸. Появление аналогичной традиции в «варварской» среде могло быть обусловлено как заимствованием самого этого элемента быта, так и усвоением идеи ритуального очищения.

Хронологически более поздние погребения элиты содержат еще большее количество инноваций среди маркеров социального престижа. Наиболее загадочным выглядит появление в погребальном ритуале т. н. «лицевых пластин» – наглазников и нагубников, выполненных из золота (Неаполь Скифский), серебра и бронзы (?) (Беляус). Причем в крымских памятниках нагубники обнаружены только в мавзолее Неаполя (рис. 7), и лишь в трех погребениях⁶⁹ из 12⁷⁰ совместно с наглазниками, которые в ряде случаев найдены по одному в комплексе. Эти экстраутилитарные предметы, очевидно, специально изготавливавшиеся с ритуальными целями, – весьма специфический культурный признак. Возможно, они использовались при проведении предваряющих обрядов (аналогичных обряду prothesis), и только некоторые из них попадали в погребение. Сходные по стилю наглазники в сочетании с нагубником обнаружены также в могиле на земляном валу Каменского городища⁷¹. Эта находка является свидетельством идеологических сетевых связей элит Крыма и Нижнего Поднепровья, весьма вероятно и их вхождение в одну политику.

Вопрос о происхождении данной инновации в культуре «варваров» Крыма поднимался многими исследователями⁷². Принимая во внимание активный поиск черт сарматской культуры в крымских памятниках, предполагалось проникновение этого обычая в Крым

⁶⁵ Ростовцев 1914, табл. XX, 1, 2.

⁶⁶ Beglova 2005, 108 fig. 8.

⁶⁷ Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, рис. 26, 2; 28, 9; 30, 1, 11; 35, 2; 40, 3; 42, 7, 8; 48, 1; 57, 4, 10; 59, 2; 70, 6, 9; 82, 2, 4; 91, 2, 3; 93, 5; 97, 6; 99, 8; 107, 4, 5; 122, 6; 125, 8; 148, 6; 151, 2; 158, 12; 166, 9; 170, 3, 4; 172, 7; 184, 9; 266, 1, 6; 280, 12; 310, 14; 328, 23; 334, 6; 366, 4; 368, 12.

⁶⁸ Kurz, Boardman 1971, 164–165, 204, fig. 41.

⁶⁹ Костяки № 5, 28, 72 (Погребова 1961, 191, 197, 204).

⁷⁰ Мужские костяки № 3, 5, 10, 16, 23, 30, 50, 72, женские костяки № 53, 56, костяки подростков № 12, 28 (Погребова 1961, 184–213).

⁷¹ Погребова 1956, 94 рис. 42; Зубарь 1982, рис. 76.

⁷² Погребова 1956; 1957; 1961, 108–110; Зубарь 1982, 110–113; Зайцев 2004а; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, 44–45; Пуздровский 2007, 75, 156–157.

вместе с сарматами или другими кочевниками восточного происхождения через Кавказ⁷³. В качестве параллелей приводились предметы, обнаруженные на Северном Кавказе в кургане «Острый» у станицы Ярославской⁷⁴ (перв. пол. I в. н. э.) и в погребении 1 кургана 15 станицы Батуриной⁷⁵ (III–I вв. до н. э.), а также в погребении или кладе ахеменидской эпохи на р. Алгети⁷⁶, которые по формальным стилистическим особенностям и по конструкции сильно отличаются от крымских и днепровского экземпляров. Лицевые пластины известны и в греческой традиции. Нагубные пластины изображались на афинских вазах на лице умершего во время обряда *prothesis*⁷⁷. Золотые пластины, накладываемые на лоб, глаза и губы, происходят из Афин (контекст неизвестен), а также из могил Телль Халафа (Сирия) IX в. до н. э., Фракии IX в. до н. э., Кипра эпохи поздней бронзы и IV в. до н. э., Родоса VII в. до н. э., Халкиды и Македонии IV в. до н. э.⁷⁸ Все эти экземпляры по форме и орнаментации отличаются от найденных в Крыму. Если обратиться к стилистическим особенностям крымских пластин, то они характеризуются наличием прорезей, орнамента в виде выпуклостей («горошин»), рядов выпуклых точек и черточек. Ю. П. Зайцев справедливо отмечает сходство некоторых из них с изображениями кельтских щитов⁷⁹ (рис. 7, 10, 11). Ритуальные предметы в виде наглазников, подобные крымским, происходят из галло-римских святилищ в северо-восточной Франции, синхронных крымским и днепровскому погребениям⁸⁰. С. Дейц упоминает также о находках подобных вещей в северной Италии (раскопки М. Фенелли)⁸¹. Сравнивая галльские вотивы и позднескифские лицевые пластины, можно сделать вывод, что они выполнены в одной художественной традиции. При этом уже сам факт использования этих предметов в погребальном обряде крымских «варваров» является инновацией, что может быть связано с влиянием другой погребальной традиции, например греческой⁸².

Употребление элитой Беляусского городища и Неаполя скифского одинаковых статусных символов, вероятно, является свидетельством вхождения этих социумов в одну политику. Изготовление беляусских лицевых пластин из серебра и бронзы (?), в отличие от золотых неапольских, указывает на развитую внутриполитическую иерархию элит.

Новым элементом в costume и мужчин, и женщин стали фибулы – как простые застежки⁸³, в том числе изготовленные из драгоценных металлов, так и круглые броши. Броши с двугольным аппаратом имеют северопричерноморское происхождение, а их

⁷³ Погребова 1957, 153; Пуздровский 2007, 157.

⁷⁴ Гущина, Засецкая 1989, 95 кат. 20.

⁷⁵ Чернопицкий 1985, 253 рис. 2.

⁷⁶ Куфтин 1941, 34–41 табл. IX.

⁷⁷ Kurz, Boardman 1971, 212.

⁷⁸ von Oppenheim 1931, 192, 196 Farbt. III; Gjerstad 1934, 521, 524–525, 558, 568; Johansen 1958, 82 Abb. 187–191; Kurz, Boardman 1971, 212–213.

⁷⁹ Зайцев 2018, 316.

⁸⁰ Reinach 1889, Nos. 482–525; Chew 2001; Caumont 2011; Lambot 2006, 185.

⁸¹ Deyts 1994, 5.

⁸² См. ниже.

⁸³ Об этом элементе костюма см. статью К. Хелльстрем в данном томе.

прототипом являются греческие рельефные медальоны IV–III вв. до н. э.⁸⁴ Показателен выбор сюжетов, помещенных на медальонах из погребений крымской элиты (Артемиды, Кибела (?), Тюхе, конный воин, орел, пчела) – большинство имеет корни в греческой иконографии, за исключением конного всадника, более близкого изображениям фракийского и персидского круга. На другие украшения – золотые бляшки, медальоны и пр. – как правило, помещен геометрический орнамент в виде горошин, рядов выпуклостей и линий или изображения антропоморфных личин, подражающие греческим образцам.

Золотая фибула-брошь из погребения в каменной гробнице мавзолея – единственный экземпляр подобного рода украшений в Крыму. Большинство фибул-брошей найдено в могилах Прикубанья и Северного Кавказа эллинистического и, реже, римского времени⁸⁵, где они являлись своеобразными знаками высокого социального статуса в варварских погребениях элиты, как правило, воинского характера. Находка такой броши в составе погребального комплекса представителя высшей варварской аристократии в Крыму – свидетельство сетевых контактов с элитой Прикубанья – варварской периферии Боспорского царства.

Для мужских погребений элиты основной инновацией в костюме стали наборные пояса, в который входили разнообразные кольца с крючками, кнопками и зажимами – распределителями ремней, поясные крюки различных форм, а также пластины подтреугольной формы, которые в литературе фигурируют как наконечники пояса и оконцеватели ножен, поскольку в некоторых случаях внутри них найдены остатки железных ножей⁸⁶. Аналогичные наборы и их элементы известны в некрополях доримского времени на территории Северо-Западной и Центральной Европы⁸⁷. Ю. П. Зайцев аргументированно предположил «европейское происхождение» такого костюма, который мог оказаться в Крыму как результат кельто-скифского «смешения»⁸⁸.

Среди погребальных приношений в мужских погребениях элиты как инновацию можно расценивать использование шлема и керамического расписного алтаря. Железный шлем из каменной гробницы, в соответствии с недавним исследованием А. В. Дедюлькина и Ю. П. Зайцева, изготовлен в мастерской, продолжающей эллинистические традиции, но испытавшей кельтское влияние (Малая Азия или один из городов Западного Причерноморья)⁸⁹. Шлемы в погребениях – весьма редкий элемент погребального обряда. В то же время именно в период II–I вв. до н. э. их часто обнаруживают в связанных с элитой комплексах, распространенных в Северном Причерноморье и, реже, в Прикубанье⁹⁰. Представляется, что в данном случае наличие в комплексе шлема – это скорее показатель сетевых связей надлокальных элит, чем отражение конкретной культурной традиции.

⁸⁴ Treister 2002, 31; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, 31.

⁸⁵ Мордвинцева 2010, 302.

⁸⁶ Зайцев, Мордвинцева 2003b, 148–149.

⁸⁷ Müller 1985, Taf. 3, 1; 26, 20; 27, 14; 28, 18; 31, 13; 35, 34; 54, 5, 6; 56, 16; 62, 2; 66, 4; Bemann 1999, Taf. 46; 112; 135; 136; 137; 142; 143; 149; 201; 222; 223; 254; Hodson 1968, pl. 9, 734; 66, 409; 147, 016; 77, 136; 86, 174; 91, 596.

⁸⁸ Зайцев 2011, 591–592.

⁸⁹ Дедюлкин, Зайцев 2016, 55.

⁹⁰ Симоненко 1993; Mordevinceva 2001; Зайцев 2012; Мордвинцева 2013.

Керамические алтари, аналогичные обнаруженному в мавзолее, найдены в культурных слоях второй половины II в. до н. э. городищ Ак-Кая/Вишенное, Неаполь Скифский и Булганак⁹¹ в контекстах, как правило, ритуального характера. В греческой культуре небольшие алтари цилиндрической формы с чашами-углублениями предназначались для воскурения фимиама. Часто они украшались гирляндами, букраниями и другими рельефными изображениями, а также снабжались посвятельными надписями⁹². При этом их употребление в погребальном контексте в греческой культуре не зафиксировано. С влиянием греческой традиции, вероятно, связана и установка светильников в могиле, основной целью которой было, видимо, освещение погребения. В случае с керамическим алтариком из мавзолея Неаполя Скифского можно констатировать частичную трансформацию сферы использования культового объекта, возникшую при адаптации его в новой культурной среде.

Новым (уникальным в контексте древностей Северного Причерноморья) маркером социального статуса является резная деревянная конструкция⁹³, восстановленная Ю. П. Зайцевым как «тронное ложе»⁹⁴, относящееся к основному погребению в мавзолее. Аналогии этому ложу неизвестны, но значимым является использование в его орнаментации фигур и мотивов, связанных по происхождению с греческой культурной традицией, хотя их воспроизведение отличается схематизмом и грубостью формы.

Среди некоторых категорий погребальных приношений в мужских погребениях элиты, самих по себе не являющихся инновацией (оружие, элементы повозки (Tüllenaufsätze с зооморфными окончаниями⁹⁵), драгоценные сосуды для питья, зеркало), новыми являются стиль и происхождение большинства из них. Так, среди предметов вооружения зафиксированы латенский щит⁹⁶, латенские мечи (мавзолей, ящик II костяк 30, Беляус) и мечи т. н. «сарматских» форм (с кольцевым навершием и прямым перекрестием, без навершия и перекрестия, распространенные в степных культурах к востоку от Дона)⁹⁷. Само по себе использование в погребальном контексте одних и тех же некрополей оружия, произведенного в разных культурных (очевидно военных) традициях, заслуживает внимания. Такая ситуация могла сложиться, видимо, только в контактной зоне особого типа⁹⁸. В то же время нельзя не отметить весьма специфический для Крыма обычай сгибания оружия при погребении, как это зафиксировано в каменной гробнице мавзолея⁹⁹. Такой обычай хорошо известен в некрополях и святилищах

⁹¹ Зайцев 2003, рис. 62; 92; 2017, рис. 14, 1; Храпунов 1991, рис. 23, 28; 27, 8.

⁹² Yavis 1949, 170–171.

⁹³ Данный предмет мог относиться к числу как погребальных приношений, так и дублирующих компонентов погребального сооружения (о терминах см. Смирнов 1997, 29–30).

⁹⁴ Зайцев 2001, 41, 51–54, рис. 16.

⁹⁵ Ак-Кая, объект 3 (грунтовый склеп-катакомба) погребение 3 (Зайцев 2018, рис. 6, 6). Мавзолей Неаполя Скифского, погребение 2 (ящик XX) (Погребова 1961, 28, 2). Восточный некрополь Неаполя Скифского, могила 67 (Сымонович 1983, табл. XLV, 25). О назначении и происхождении этих предметов: Lenerz de Wilde 1999, 217–219 Taf. 6, 2–7.

⁹⁶ Зайцев 2018, с аналогиями и литературой.

⁹⁷ Погребова 1961, 114–116.

⁹⁸ Т. н. «золотая середина» ('middle ground') по К. Ульфу, когда ни одна из контактирующих сторон не может достигнуть своих целей с помощью силы (Ulff 2009, 97–98).

⁹⁹ Зайцев 2001, 50.

Галлии¹⁰⁰. В сочетании с типом оружия прямое следование этому обычаю может являться свидетельством появления в Крыму носителей латенской культуры.

Особое, но в целом западное направление сетевых связей крымской воинской элиты маркирует также зеркало¹⁰¹, которое, судя по форме и орнаментации ручки, заканчивающейся головкой барана, и диска с гравированным сюжетным изображением внутри венка, относится к этрусским экземплярам II в. до н. э.¹⁰²

В мужских погребениях мавзолея обнаружено также два серебряных сосуда. Один представляет собой уникальный экземпляр: чаша полусферической формы с выпуклым зональным геометрическим орнаментом и боковой петлей, к которой крепится кольцо для подвешивания. Судя по плану погребения (ящик IX, костяк 72), в момент погребения чаша находилась на поясе *in situ*. Прямых стилистических аналогий чашке не обнаружено, однако упоминание об обычае подвешивания драгоценных сосудов к поясу известно из скифского рассказа Геродота (Hdt. IV.10). Других находок, которые столь ярко иллюстрировали бы этот обычай, нигде не зафиксировано. В ящике VI (костяк 3) обнаружена фрагментированная серебряная чаша конической формы (тип 3а по классификации К. Хоредта)¹⁰³. Подобные сосуды хорошо известны на территории Испании, Италии, Греции и Малой Азии¹⁰⁴, а также в комплексах степи Нижнего Поднепровья и Западного Причерноморья¹⁰⁵.

Что касается женских погребений элиты, то, за исключением инноваций, характерных для погребальных приношений и костюма покойников обоего пола, можно отметить только такую категорию украшений, как серьги, имитирующие популярный тип эллинистических серег в виде голов животных¹⁰⁶. В отличие от греческих прототипов, серьги из «варварских» памятников Крыма, Прикубанья и Поволжья намного (в два и более раз) крупнее и в каждом регионе имеют особые детали декора¹⁰⁷. Для крымских экземпляров, например, характерно оформление конической части украшения в виде «палицы Геракла» с шипами. Учитывая определенную небрежность изготовления таких серег (незакрытые швы, отсутствие поддерживающей высокой рельеф пасты и т. п.), по крайней мере некоторые из них могли изготавливаться специально для погребения. Распространение такой традиции в разных частях «варварского» мира Северного Причерноморья свидетельствует, скорее всего, о существовании общей идеи подражания популярной форме ювелирных украшений, хотя не исключено и наличие сетевых отношений между элитами этих регионов.

В целом, в результате анализа маркеров высокого социального статуса можно сделать следующие общие выводы. В III в. до н. э. «варварские» элиты Крыма были связаны сетевыми отношениями преимущественно с культурами, расположенными к

¹⁰⁰ См., например, Duval 1971, 63, pl. 1–3.

¹⁰¹ Костяк 30 ящик II. Опубликовано Н. Н. Погребовой как греческое (Погребова 1961, 130, 173 рис. 11, 6).

¹⁰² Salskov Roberts 1981, cat. nos. 1 (Vulci), 6, 13, 19, 20, 21 (Tarquinia).

¹⁰³ Horedt 1973, 143–144 Abb. 8, G3a.

¹⁰⁴ Mordvinceva, Treister 2007, 26–29, с литературой.

¹⁰⁵ Мордвинцева 2013, 146, с литературой.

¹⁰⁶ Подробнее см. Pfrommer 1990, 143, 150; Mordvinceva, Treister, 2007, 106–107.

¹⁰⁷ Мордвинцева, Хабарова 2006, 12; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, 13–14.

северо-западу от полуострова. В середине II в. до н. э. на фоне общего «латенского» облика предметов престижа в мужских погребальных комплексах элиты отмечается сильная эллинизация элитарной культуры.

Маркеры социального престижа I в. до н. э.

Состав маркеров социального престижа в погребениях элиты локального уровня, обнаруженных в грунтовых склепах и каменных гробницах с многократными захоронениями, мало изменился по сравнению с предыдущим периодом, хотя количество погребений с такими маркерами уменьшилось. Практически не встречаются отмеченные для погребений элит надлокального уровня III и II вв. до н. э. редкие и уникальные вещи, по происхождению связанные с европейскими культурами латенского круга. В то же время появились инновации в репертуаре изображений на некоторых предметах престижа. Например, в некрополях Битакском (Неаполь Скифский) и Усть-Альминском зафиксированы круглые серебряные фибулы-броши, выполненные в той же технике и с теми же стилистическими нюансами, что и ранее, но с изображением свернувшегося хищника на щитке¹⁰⁸. Такая же брошь обнаружена на некрополе Золотое сельской хоры Боспорского царства¹⁰⁹. Эти изображения являются дериватами по отношению к предметам звериного стиля сарматской эпохи, и относятся к группе «рельефных медальонов», производство которых, по всей видимости, связано с «боспорскими» мастерскими¹¹⁰. Появление новых сюжетов на традиционных предметах престижа, вероятнее всего, отражает изменение направления внешнеполитической ориентации элит Крыма в южном и юго-восточном направлении – на Понтийское царство и в особенности на парфянский Иран, где изготовленные в зверином стиле инсигнии играли существенную роль в элитарной культуре¹¹¹.

Особый феномен представляет собой женское погребение в Ногайчинском кургане¹¹² (рис. 8). Необычными и уникальными маркерами социального престижа выступают как локализация погребения, обособленного от каких-либо синхронных некрополей, так и весьма трудозатратный погребальный обряд с устройством в насыпи деревянной конструкции и ее поджоге, а также состав погребальных приношений. При сравнении с экипировкой женских захоронений элиты Крыма становятся очевидными их различия. Помимо украшений, здесь присутствуют, во-первых, предметы женского набора приношений, нехарактерные для Крыма – серебряные ложки, игольники, пиксида, флаконы-подвески, а во-вторых, предметы, обычно ассоциируемые с мужскими комплексами элиты – сосуды для питья, портупейное кольцо. Это свидетельствует не только об особом элитном статусе Ногайчинского погребения, но и об иной культурной идентичности. По специфическим элементам погребальной обрядности (сожжение деревянной конструкции на поверхности кургана с использованием нефти, положение

¹⁰⁸ Мордвинцева 2003, 208 рис. 93, 2–3.

¹⁰⁹ Корпусова 1983, 129 табл. XVII, 9.

¹¹⁰ Мордвинцева 2003, 80.

¹¹¹ Подробнее см. Mordvintseva 2017b, 167–170.

¹¹² Зайцев, Мордвинцева 2003а.

рук в серебряные чаши, концентрация приношений справа от покойного) этот комплекс наиболее близок погребениям элиты Прикубанья¹¹³.

В наборе вещей из погребения по происхождению выделяется несколько частей: 1) предметы, предположительно относящиеся к «варварской» культуре Крыма (амулет-подвеска в виде человеческой фигурки, золотые спиральные ножные браслеты, бронзовые бляшки – украшения органического вместилища, портупейное кольцо с крестовиной); 2) предметы, характерные для «варварских» культур Прикубанья (кувшин, золотые нашивные бляшки, брошь-заколка, медальон-подвеска, зооморфные подвески балдахина); 3) предметы, ориентированные на элитарную культуру скифо-иранского круга (круглодонный серебряный кубок с зооморфными изображениями и растительным орнаментом, амулет, гривна с зооморфными окончаниями); 4) предметы предположительно греческого (боспорского?) происхождения (ложки, унгентарий, перстень с изображением Кибелы); 5) предметы, изготовленные в мастерских Восточного Средиземноморья (серебряные килик и чаша, фаянсовая тарелка, стеклянная чаша миллефиоре, алебастровый сосуд, золотое кольцо с подвесками, перстень с изображениями Арсиной III Филопатор), в том числе украшения, относящиеся к числу весьма редких и ценных экземпляров мирового уровня (браслеты с фигурками Эрота и Психеи, хрустальная фибула-брошь в виде дельфина, серьги с подвесками)¹¹⁴, что позволяет отнести этот комплекс к разряду *Prunkgrab*.

Таким образом, элитарная группа, совершавшая эти похороны, демонстрировала свои контакты, действительные и/или желаемые, с элитами Кубани, Боспора, Восточного Средиземноморья (Понтийское царство?) и, возможно, парфянского Ирана. Сделанный ранее вывод о возможном погребении здесь одной из дочерей Митридата Евпатора, выданной замуж за «скифского» царя¹¹⁵, вполне соответствует этой картине.

В целом, состав и происхождение маркеров социального престижа I в. до н. э. отражают произошедшие изменения векторов внешнеполитических связей, их переориентацию в восточном и юго-восточном направлении (Прикубанье, Малая Азия, парфянский Иран) и трансформацию в организации «варварских» элит Крыма, в том числе появление в Крыму новых (инокультурных) элитарных группировок, возможно, претендующих на центральную власть.

Маркеры социального престижа нач. I – сер. II вв. н. э.

В начале I – середине II в. н. э. произошли существенные изменения в составе и качестве маркеров социального престижа в погребальном обряде «варваров» Крыма. Насколько позволяют судить опубликованные материалы, можно выделить «стандартные» наборы предметов высокого социального статуса, общие для погребений большинства могильников, а также маркеры социального престижа, ассоциированные только с отдельными памятниками.

Как и в более ранний период, с погребениями элиты связаны расположенные поблизости от них захоронения коней. Конские могилы обнаружены на большинстве относительно полно исследованных некрополей предгорной и западной прибрежной

¹¹³ Зайцев, Мордвинцева 2003а, 98.

¹¹⁴ Подробный анализ погребального обряда и инвентаря Ногайчинского погребения см. Зайцев, Мордвинцева 2003а, 85–99; 2007а.

¹¹⁵ Зайцев, Мордвинцева 2004, 22–23.

зоны. В Усть-Альминском могильнике зафиксирован особый новый обряд, когда внутри погребальных камер помещали «куклы» коней (сшитые из кожи муляжи¹¹⁶).

«Стандартный» набор маркеров высокого социального статуса мужских погребений элиты состоял из предметов вооружения (кинжал/меч, копье/дротик, стрелы), конской упряжи (удила/псалии, наборы портупей, детали нагайки), украшений (одна золотая серьга). Примечательно, что детали поясного набора уже не являются предметами престижа в «стандартных» мужских наборах этого периода.

«Стандартными» маркерами высокого социального статуса в женских погребениях были, в основном, украшения (пара серебряных/золотых серег, детали ожерелий, подвески, круглые броши с изображениями). Новыми предметами престижа в этот период являются костяные и деревянные пиксиды, шкатулки с косметическими принадлежностями, серебряные ложки, стеклянные бальзамарии, наборы амулетов, среди которых встречаются детали римской ременной гарнитуры¹¹⁷ и военного снаряжения¹¹⁸. Этими инновациями женские погребения элиты этого периода существенно отличаются от более ранних комплексов.

Исключительно в детских погребениях обнаружены металлические гривны, что отмечалось для предыдущего периода. Для детских, как и для женских погребений элиты, также характерны наборы амулетов, часто расположенные отдельно и, видимо, составлявшие содержимое сумочек/мешочков из органического материала.

Общими для мужских и женских погребений элиты предметами костюма были некоторые виды украшений – наручные браслеты, перстни, нашивные бляшки, импортные фибулы, а среди погребальных приношений – амфоры с вином, импортные и лепные светильники, а также импортная краснолаковая керамика редких форм¹¹⁹ и металлическая посуда. При этом некоторые категории импортных сосудов встречаются с погребенными обою пола (тазы, патеры, чаши, сосуды закрытой формы), а отдельные их виды – только в женских погребениях, например, импортные бронзовые сосуды с боковой ручкой (ковши)¹²⁰.

В некоторых могильниках обнаружены особые маркеры социального престижа, выходящие за рамки данного стандарта, что является признаком особого статуса применявших их коллективов. В женском погребении полиритуального могильника Лучистое-2 в качестве предмета престижа использован наконечник ножен ножа, являвшийся в предшествующий период маркером статуса мужчины-воина. В этом же погребении обнаружен серебряный сосудик-подвеска, относящийся к предметам, маркирующим женские погребения «варварской» элиты Нижнего Дона¹²¹. Данное отклонение от «стандарта» наряду с другими отличиями могильника Лучистое-2 от

¹¹⁶ Как, например, в могиле 700 Усть-Альминского могильника (Puzdrovskij 2013a, 297–299 Abb. 5).

¹¹⁷ Масыкин 2007, 132–133.

¹¹⁸ Масыкин 2012, 167–171.

¹¹⁹ Например, украшенные рельефными изображениями сосуды закрытых форм, обнаруженные в некрополях Усть-Альма (Пуздровский, Труфанов 2017a, 295 рис. 165), Бельбек IV (Гущина, Журавлев 2016, табл. 228).

¹²⁰ Усть-Альминский могильник: склеп 603, склеп 612 погребение 2 (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002, Abb. 4, 3; Abb. 10, 11), склепы 720, 735 (Puzdrovskij, Zajcev 2004, Abb. 4, 4; Abb. 13, 2), склепы 775, 820 (Пуздровский, Труфанов 2017b, 187 рис. 77, 272 рис. 162). Могильник Бельбек IV: погребения 172, 299 (Гущина, Журавлев 2016, табл. 233).

¹²¹ Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, 316–318.

памятников предгорной и западной прибрежной зоны позволяет ставить вопрос о специфической культурной (этнической?) идентичности оставившего его населения.

Особые предметы престижа, которые, вероятно, маркировали элиту надлокального уровня, происходят из трех грунтовых могильников (Неаполь Скифский, Заветное, Усть-Альма) и кургана у п. Вилино. Здесь обнаружены такие общие для мужских и женских погребений приношения, как золотые венки и лицевые пластины (наглазники и нагубники) (рис. 9, 1–2; 10). Особый статус лицевых пластин уже отмечался для раннего периода II–I вв. до н. э. В I в. н. э. эти предметы обычно сочетаются с золотыми деталями (листьями, полосками, резе плодами, центральными элементами с оттиснутым на них изображениями) погребальных венков.

В погребениях представителей элиты Усть-Альминского некрополя обнаружены маркеры высокого социального статуса, неизвестные на других памятниках. В мужских комплексах это драгоценные детали поясных наборов (рис. 9, 4–5) и золотые ажурные пластины, размещенные в области ног, а также украшенное золотыми деталями клинковое оружие. В женских захоронениях зафиксированы лаковые шкатулки¹²², железные канделябры¹²³, футляр для папирусов¹²⁴ и разнообразные редкости (окаменелости, ископаемые артефакты и пр.), помещенные, как правило, среди наборов амулетов. Вместе с погребенными обоего пола зафиксированы находки патеры и лежащей в ней на боку ойнохой¹²⁵, фигурных серебряных ручек от несохранившихся сосудов, а также деревянных сосудов с зооморфными ручками. Среди детских погребений Усть-Альминского могильника имеются комплексы с особым обрядом и набором погребальных приношений: погребение ребенка (видимо, девочки) (рис. 11) сопровождалось особо богатыми приношениями, в том числе маленькими по размеру бронзовым ковшом, серебряным кубком, краснолаковым светильником, и элементами костюма – золотыми украшениями, среди которых золотые гривна, браслет, медальоны с изображением Кибелы¹²⁶. Аналогичные погребения обнаружены в некрополях Боспорского царства¹²⁷. Само наличие детских погребений с маркерами социального престижа, сходными с теми, что обнаружены в погребениях взрослых представителей элиты, является признаком наследования высокого социального статуса. Совпадение обрядовых норм на Усть-Альминском могильнике и боспорских некрополях указывает на общие идеологические установки у оставившего их населения и на вероятное заимствование таких установок верхушкой «варварской» элиты.

В происхождении предметов престижа из погребений I – первой половины II вв. н. э. можно отметить значимые изменения по сравнению с предшествовавшим периодом. На уровне «стандартных» наборов значительная доля маркеров указывает на сетевые связи в границах Крыма. Часть ювелирных изделий, видимо, изготавливалась на месте, о чем говорит использование фрагментов цветных стеклянных сосудов в качестве

¹²² См. Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002; Puzdrovskij, Zajcev 2004, а также статью М. Прюх в данном томе.

¹²³ Склепы 720, 730-1.

¹²⁴ Склеп 620: Зайцев 2010.

¹²⁵ Усть-Альминский могильник: склеп 620 (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002, Abb. 12, 6–7; Abb. 21, 8–9), склеп 730-1 (Puzdrovskij, Zajcev 2004, 241 Abb. 8, 1–2), склеп 844 (Пуздоровский, Труфанов 2017а, 17, 158–162, рис. 28–32).

¹²⁶ Puzdrovskij, Zajcev 2004, Abb. 11.

¹²⁷ Ворошилов, Ворошилова 2015, 56.

декоративных вставок перстней, серег и нашивных бляшек¹²⁸. Большинство украшений по конструкции, стилю и набору сюжетов относится к тем же типам, что и предметы, известные по находкам в Херсонесе и на территории Боспорского царства, и, видимо, относится к продукции их мастерских. В изобразительном репертуаре по-прежнему лидируют изображения греческих божеств (Кибела, Афродита с Эротами, Артемида) и популярные в греко-римском мире мотивы (амфорки, кукиши, лунницы), хотя встречаются и местные (ведерковидные подвески). Происходящие из женских погребений элиты пиксиды, шкатулки, ложки и стеклянные бальзамарии представляют собой погребальные приношения, типичные для синхронных женских погребальных комплексов из некрополей греческих городов Северного Причерноморья. Весьма вероятно, что этот элемент обряда был заимствован «варварским» населением Крыма из античной культуры как социально престижный. Нельзя не отметить их сходство по этому признаку с погребением Ногайчинского кургана.

Типы предметов вооружения (мечи с кольцевым навершием и прямым перекрестием, мечи с ромбовидным в сечении перекрестием без навершия; трехлопастные наконечники стрел) и конского снаряжения (колесовидные псалии и пр.) в целом сходны с распространенными в евразийской степи того же хронологического горизонта. Известны также случаи находок римских клинков¹²⁹. Распространение этих форм оружия и упряжи говорит о взаимодействии в военной сфере (позитивном, союзническом, или негативном, вражеском) с населением степи.

На сети более широкого географического диапазона указывают находки импортной металлической посуды и фрагментов римской военной амуниции и доспеха. Само появление этих предметов в Крыму связано, видимо, как с физическим присутствием римского военного контингента, так и с соответствующим торговым обменом. Использование римской и провинциально-римской металлической посуды в погребениях «варварской» знати Крыма представляет собой, видимо, тот же феномен, что и в случае с аналогичными находками в погребениях «варваров» других европейских культур, особенно германцев¹³⁰. В то же время корреляция находок конкретных типов таких сосудов (ковши) с женскими погребениями является отражением специфического местного обряда. Находки деталей (часто изношенных, фрагментированных) римской военной амуниции исключительно в женских и детских погребениях, среди амулетов, вероятно, связаны с приписыванием этим предметам защитной функции оберега, приносящего удачу, приобщающего к силе. И в том, и в другом случаях, видимо, имела место перекодировка значения данных предметов в культуре-реципиенте согласно местным культурным нормам.

Еще более показательное происхождение маркеров социального престижа из погребений надлокальной элиты. Одним из наиболее ярких символов высокого социального статуса в этот период были золотые погребальные венки и лицевые пластины (рис. 9, 1–2; 10). Как культурная норма, золотые погребальные венки являются признаком греко-римской культуры начиная с классического периода. Особенно широко, вплоть до Месопотамии, они распространились с эллинистического периода до конца

¹²⁸ Mordvintseva 2002; Лысенко, Масыкин, Мордвинцева 2015, 312.

¹²⁹ Волошинов, Масыкин 2007, 293; Lysenko, Masyakin 2012, 23.

¹³⁰ См. Eggers 1951, 29; Nuber 1973, 144.

римского времени¹³¹. Предположительно, венки украшали умершего во время обряда prothesis, но снимались перед кремацией и затем помещались в урну¹³². До сих пор неясно, изготавливались ли эти венки специально для погребальной церемонии или же их могли надевать и при жизни покойного. Во всяком случае некоторые из венков, листья которых изготовлены из тонкой фольги, вряд ли могли применяться иначе, чем в погребальных целях¹³³. В некрополях северочерноморских городских культур использование погребальных венков зафиксировано в комплексах, также связанных с элитой¹³⁴. Вероятно, помещение погребальных венков в могилы элиты «варваров» Крыма является свидетельством заимствования не только самих этих предметов, но и сопряженного с ними ритуала, что может объясняться стремлением следовать определенной культурной норме, которая воспринималась как социально престижная. При этом обращает на себя внимание тот факт, что несмотря на длительное сосуществование эллинской и «варварских» культур в Северном Причерноморье, в том числе отмеченную для II–I вв. до н. э. сильную эллинизацию «варварской» элиты Крыма, этот элемент обряда был перенят только в тот период, когда Крым попал непосредственно в сферу влияния Римской империи. Как известно, длительного контакта как такового недостаточно для появления культурных подражаний. Для этого должно также измениться соотношение власти/силы между контактирующими сторонами¹³⁵, что, очевидно, и произошло с раскладом политических сил в Крыму.

В связи с этим показательно, что золотые венки в погребениях первых веков н. э. регулярно сочетаются с лицевыми пластинами, причем не только в «варварских» комплексах Крыма, но и в некрополях античных полисов Северного Причерноморья – Ольвии, Херсонеса, некоторых городов Боспорского царства (Горгиппия). Эти лицевые пластины по стилистическим признакам отличаются от «наглазников» и «нагубников» более раннего времени. В частности, на наглазниках часто изображаются зрачки и ресницы (рис. 9, 2), а нагубники повторяют контры губ¹³⁶; в это же время распространяются формы наглазников, напоминающие «очки»¹³⁷. Поскольку самые ранние экземпляры наборов лицевых пластин известны по погребальным комплексам «варварского» Крыма, может возникнуть предположение, что этот обычай был в данном случае заимствован представителями «городских» культур у «варваров». Однако этому противоречит одновременное появление погребального набора «венки + лицевые пластины» в других культурных контекстах, причем расположенных на восточной периферии Римской империи, в частности в Восточном Средиземноморье (Сирия, Египет), на Иранском плато¹³⁸, в Северном¹³⁹ и Западном Причерноморье¹⁴⁰. В «варварских» же контекстах такие находки сделаны только в

¹³¹ Kurtz, Boardman 1971, 101, 163, 165, fig. 39; Quast 2014, 270.

¹³² Kurtz, Boardman 1971, 163.

¹³³ Kurtz, Boardman 1971, 207, 212.

¹³⁴ О Северном Причерноморье см. подробнее Трейстер 2015, 81–103; Журавлев и др. 2017, 9–17.

¹³⁵ Ulf 2009, 121.

¹³⁶ См., например, Труфанов, Мордвицева 2016, рис. 8, 2, 3.

¹³⁷ См., например, Пятшышева 1956, табл. V, I; Сымонович 1983, табл. XLV, 27.

¹³⁸ Quast 2014, 270–272 Abb. 4–6.

¹³⁹ Погребова 1957; Мордвицева, Хачатурова, Юрченко 2010, 44.

¹⁴⁰ Slej, Sörling, Popovici 2004, 196–197 Cat. 155–158; Quast 2014, 271.

Крыму. Из этого можно сделать вывод, что на появление лицевых пластин в обряде крымских «варваров» изначально повлияли ритуалы греческих общин Крыма. Феномен же распространения в погребениях элиты набора «венки + лицевые пластины» можно, видимо, расценить как реакцию на формирование в Крыму, как и в других местах восточной периферии Римского мира, контактной зоны особого типа при доминировании одной из контактирующих сторон¹⁴¹.

Особые маркеры, отмеченные для погребений элиты Усть-Альминского некрополя, можно, в целом, разделить на две группы: связанные с реакцией на распространение римских культурных норм, с одной стороны, и с расширением сетевых связей элиты в восточном направлении, с другой.

Обнаруженное в трех погребальных комплексах сочетание бронзовой посуды «патера + ойнохоя» (рис. 9, 3) в римской культуре является набором для омовения рук как ритуального, при священнодействиях, так и профанного, во время приема пищи – «im Haushalt wie beim Opfer»¹⁴². В погребальном обряде эта пара сосудов особенно часто представлена в римских провинциях Фракии и Мезии¹⁴³. Примечательно, что в ненарушенном грабителями склепе 620 с двумя погребениями в деревянных колодах патера с лежащей внутри ойнохой была поставлена за пределами гробов, в отдельном месте у входа¹⁴⁴. Похороненная в этом склепе молодая женщина (рис. 10), возможно, была вовлечена в священнодействия, связанные с культом Кибелы/Великой Матери (?), поскольку ее голову украшало подобие греческого калафа, внутри которого, как в корзине, находились разнообразные растения, в том числе колосья, а в уши были вдеты серьги с заменяемой вставкой из зерна¹⁴⁵. В этом же погребении, в шкатулке, был обнаружен футляр для хранения свитков – по мнению Ю. П. Зайцева, документов, удостоверяющих особые права или привилегии погребенной, атрибут высокого общественного положения в греко-римской культуре¹⁴⁶. Если этот факт считать установленным, он является свидетельством распространения, по крайней мере в слое высшей «варварской» элиты, правовых норм, принятых на территории Римской империи, хотя само погребение такого свитка вместе с лицом, на которое эти права, видимо, распространялись, является скорее отражением местных идеологических установок.

В том же женском погребении 620 склепа была обнаружена одежда из шелка¹⁴⁷. Здесь и еще в нескольких женских погребениях Усть-Альминского могильника¹⁴⁸ найдены китайские лаковые шкатулки и их фрагменты. Контекст этих находок практически не отличается от находок шкатулок других типов, и в данном случае речь идет об особенно ценных их типах. Попадание таких предметов за тысячи километров от места их производства в Китае связывается, как правило, с функционированием

¹⁴¹ Ulf 2009, 118.

¹⁴² Nuber 1973, 95.

¹⁴³ Nuber 1973, 151.

¹⁴⁴ Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002, Abb. 12, B.

¹⁴⁵ Подробнее см. Mordvintseva 2002.

¹⁴⁶ Зайцев 2010, 95.

¹⁴⁷ Крупа 2007, 158.

¹⁴⁸ Склепы 603, 616, 612, 620, 720, расположенные на одном участке. См. Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002; Puzdrovskij, Zajcev 2004.

северного ответвления Великого Шелкового пути¹⁴⁹. Это свидетельствует о вовлечении «варварской» элиты Крыма в сетевые связи с населением степи к северо-востоку от Боспорского царства, при посредничестве которого эти предметы попадали далее на запад, очевидно, сопутствуя другим товарам, прежде всего шелковым тканям, о наличии которых в Риме есть исторические свидетельства этого времени¹⁵⁰.

Существование сетевых связей с жителями степи позволяют предположить и находки в Усть-Альминском могильнике сосудов с ручками, оформленными в виде фигурок животных, – деревянными и серебряными. Судя по имеющимся к настоящему времени данным, кубки с аналогичными ручками получили наиболее широкое распространение в погребальных комплексах элиты Нижнего Дона, Волго-Донского междуречья и Прикубанья¹⁵¹. Тип и стиль (миндалевидные стеклянные вставки бирюзового цвета) золотых деталей пояса (пряжка и наконечник), обнаруженных в мужском погребении склепа 620, позволяют сопоставить их с предметами золото-бирюзового стиля, особенно широко распространившегося в культуре кочевников Прикубанья, Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья в I в. н. э. Несмотря на то, что это единственная находка такого рода в Крыму, она вписывается в тот же круг сетевых отношений, что и описанные выше предметы престижа.

Отмеченные инновации в маркерах высокого социального статуса позволяют предположить дальнейшую трансформацию сетевых связей крымской «варварской» элиты. В культуре варварских обществ, локализованных в предгорной и западной прибрежной зоне, большое значение приобрели контакты с Римом – непосредственные или опосредованные, вызвавшие реакцию в форме заимствования не только определенных предметов, по происхождению связанных с римской культурой, но и способа их употребления, а также стоявших за этим идей. Здесь выделяются несколько центров, обладавших особым надлокальным (региональным?) статусом, представленных памятниками Неаполь Скифский, Усть-Альма, Алма-Кермен (Заветное), Вилино. Особое место среди них занимает Усть-Альминский некрополь. Некоторые из обнаруженных здесь маркеров социального престижа более нигде в Крыму пока не найдены. Возможно, связанное с ним поселение выполняло особую социально-политическую и экономическую функцию. Учитывая тот факт, что поселения Северо-Западного Крыма в этот период практически перестают функционировать, Усть-Альминское городище могло играть роль порта, через который осуществлялась торговля товарами, прибывшими по трансконтинентальным маршрутам, с причерноморскими и средиземноморскими центрами. Этим объясняется и наличие именно на этом некрополе предметов роскоши, поступавших в ходе контактов с населением северочерноморской степи.

Особняком стоят пока недостаточно хорошо изученные памятники Южнобережья (типа Лучистое-2), в которых зафиксированы архаизирующие признаки, связанные с предшествовавшей культурной традицией.

¹⁴⁹ См. статью М. Прюх в данном томе.

¹⁵⁰ Например, Тас. *Ann.* 2.33.

¹⁵¹ Мордвинцева, Хабарова 2006, 32–35.

Маркеры социального престижа сер. II – сер. III вв. н. э.

Во второй половине II – первой половине III в. н. э. происходит определенная «стандартизация» погребального обряда, количество маркеров социального престижа сокращается. В мужской элитарный «стандарт» входили такие маркеры, как клинковое оружие, иногда с накладками из драгоценного металла, наборы конской упряжи с налобниками и фаларами, плакированными золотой или серебряной фольгой (рис. 12, 5), поясная гарнитура с привесками и наконечниками ремней, серебряные римские денарии (особенно в первой половине III в. н. э.¹⁵²), амфоры с вином, импортная металлическая и стеклянная посуда.

Женские «стандартные» погребения элиты отличались большим количеством и особым качеством перстней¹⁵³ и фибул, в числе которых имелись экземпляры римского производства с эмальями (рис. 12, 2–4), а также других украшений – браслетов и подвесок. Особым знаком женских погребений высокого статуса становятся бронзовые детали налобной повязки (диадемы) с рельефным орнаментом в виде выпуклых точек, которые узко локализируются в пределах центральной части крымских предгорий и Южнобережья¹⁵⁴. Золотые украшения в это время практически отсутствуют. Детские погребения элиты не выделяются.

Погребения элиты с особо редкими маркерами социального престижа для этого периода пока не известны. Полное ограбление вырубных склепов Неаполя Скифского не позволяет судить об их содержимом. Происхождение большинства предметов престижа в погребениях элиты данного периода либо местное, либо они являются римскими и провинциально-римскими импортами. Военское снаряжение мужских погребений элиты аналогично комплексам с восточной периферии Боспорского царства¹⁵⁵.

Отмеченная «стандартизация» погребений элиты, видимо, является признаком утраты политической субъектности «варварскими» общинами Крыма. Увеличение в первой половине III в. н. э. количества мужских погребений с серебряными римскими денариями может быть связано с распространением наемничества в среде «варварской» элиты.

Заключение. Культурно-исторические процессы

Подводя итоги сравнительного анализа маркеров социального престижа в III–II вв. до н. э., можно сделать следующие выводы относительно трансформаций, прослеженных в погребальных памятниках «варварской» элиты Крыма.

На рубеже IV и III вв. до н. э. в восточной части крымских предгорий, вблизи от курганов с гробницами боспорского облика строится крупная крепость. Не исключено, что это была ставка скифов, связанных политическими отношениями с Боспорским царством. Однако вскоре эта ставка, а также города и поселения хоры Херсонеса на северо-западном

¹⁵² Труфанов 2010, 237.

¹⁵³ В количестве, иногда превышающем число пальцев на руках. Например, 24 перстня в могиле 8 некрополя Скалистое III (Кропоткин 1970, 52 кат. 154).

¹⁵⁴ Стоянова 2011; Мордвинцева, Лысенко 2016.

¹⁵⁵ Зайцев, Мордвинцева 2007b, 92.

побережье¹⁵⁶, подвергаются разрушениям и пожарам. После этого здесь меняется население; новое население большинство исследователей называют «скифами»¹⁵⁷. Одновременно появляются новые грунтовые могильники Позднескифской археологической культуры. С этого момента в течение III в. до н. э. среди маркеров социального престижа преобладают предметы «западного» облика. Представляется возможным связать эти события с продвижением в Крым военных группировок, в том числе состоявших из кельтов (галатов), экспансия которых в восточном направлении зафиксирована письменными источниками¹⁵⁸. На протяжении III и первой половины II вв. до н. э., видимо, произошла определенная ассимиляция крымских «варваров» различного происхождения. В результате сформировалось «скифское царство» эллинистического типа с центром в Неаполе Скифском, в которое, помимо крымского «Барбарикума», входили территории к северу и северо-западу от полуострова. К этому надо добавить протекторат над Ольвией, о котором свидетельствует чеканка там монет царя Скилура¹⁵⁹. Представители политической элиты этого государственного образования заключали династические браки с боспорской знатью, о чем также имеются письменные свидетельства (см. статьи А. И. Иванчика и И. А. Макарова в данном томе).

Военное поражение наследников Скилура и включение Крыма в состав Понтийского царства, союзника парфянского Ирана, изменили внутри- и внешнеполитическую ситуацию на полуострове, произошла децентрализация элит, что отразилось в составе и облике маркеров социального престижа.

С вовлечением Крыма в сферу внешнеполитических интересов Рима произошла новая переориентация сетевых связей «варварских» элит, в этот раз под давлением новой, имперской силы, как демонстрируют формы адаптации «варварами» предметов и идей римской культуры. Появляется сразу несколько возможно политически субъектных центров. При этом укрепляются связи с варварскими элитами на восточной периферии Боспорского царства и степи, возможно, в силу вовлечения в обслуживание транзитного торгового пути по степному коридору к богатствам Китая и Средней Азии.

Во второй половине II – первой половине III в. н. э. «варварские» общины Крыма утрачивают политическую субъектность и фактически входят в состав Боспорского царства¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Возможно, в этот процесс были вовлечены и некоторые поселения на южной периферии Боспора (городище на верхнем плато горы Опух).

¹⁵⁷ Смекалова, Кутайсов 2017, 359, с литературой.

¹⁵⁸ Falileyev 2013, 94.

¹⁵⁹ Фролова 1964.

¹⁶⁰ Зубарь, Русяева 2004, 162.